



Джон Ле Карре
Шпион, пришедший с холода
Серия «Джордж Смайли», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8920382
Д. Ле Карре. Шпион, пришедший с холода: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-095534-3

Аннотация

Эта книга включена в список журнала «Time» «100 лучших англоязычных романов». Захватывающая история ветерана британских спецслужб Алекса Лимаса, который предпочитает уходу на покой участие в блестяще задуманной, но смертельно опасной операции. Его задача – дискредитировать и по возможности «убрать» главу одной из крупнейших контрразведок мира.

Однако в Большой игре доверять нельзя никому – ни врагам, ни союзникам, ни даже друзьям...

Содержание

Предисловие	5
1. Контрольно-пропускной пункт «Чарли»	8
2. Цирк	13
3. Под откос	20
4. Лиз	24
5. Кредит	29
6. Контакт	33
7. Кивер	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джон Ле Карре

Шпион, пришедший с холода

John le Carre

The spy who came in from the cold

© Le Carre Productions, 1963

© Перевод. И. Л. Моничев, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Предисловие

Сентябрь 1989 года

«Шпион, пришедший с холода», третья написанная мной книга, решительным образом изменила мою жизнь и поставила ребром вопрос, на что же действительно я способен. До ее публикации я занимался писательством чуть ли не втайне ото всех, находясь сам внутри мира секретных служб, под чужим именем, не привлекая к себе внимания сколь-нибудь серьезной литературной критики. Как только роман появился на прилавках магазинов, время моего незаметного и постепенного роста как литератора навсегда закончилось, как ни пытался я вернуть его самым решительным образом – например, перебравшись с семьей на отдаленный греческий остров. Таким образом, «Шпион, пришедший с холода» стал последней книгой периода моей литературной скромности и целомудрия, и все мои дальнейшие эксперименты с беллетристикой, на счастье или на беду, отныне должны были происходить публично. На много лет вперед в издательском мире перестало существовать такое понятие, как «заурядный роман Ле Карре», – к чему так стремится большинство писателей, но и страшатся те из нас, кто хоть что-то понимает в настоящей литературе.

Роман я написал в спешке всего за каких-нибудь пять недель. Я работал над ним ранними утренними часами в снятой для меня посольством квартире в Кенигсвинтере, в редкие свободные минуты за своим столом на службе и даже сидя за рулем машины, когда пересекал на пароме Рейн в обоих направлениях, припарковавшись иногда бок о бок с огромным бронированным «мерседесом» канцлера Аденауэра (или то был «БМВ»?), когда он тоже совершал переправу, следуя по делам главы государства. Помню тот переполох, что поднялся у нас в канцелярии после того, как я доложил, какие газеты он читает, а пресс-отдел посольства тут же принялся гадать, кто из журналистов может иметь влияние на направление мыслей великого человека, хотя, как я подозревал, никто: к тому времени Аденауэр давно миновал стадию, когда на него вообще мог повлиять хоть кто-нибудь. Порой я перехватывал его взгляд, и мне казалось, что он даже улыбается, глядя на меня и мой маленький «хиллман-хаски»¹ с дипломатическими номерами. Но в преклонных годах он уже напоминал старого вождя индейского племени, выражение лица которого не дано было прочесть простому смертному.

Но конечно же, взяться за перо в тот раз меня заставила Берлинская стена: я отправился в Берлин из Бонна, чтобы наблюдать за строительством, как только разнесся слух, что ее начали возводить. Со мной прилетел коллега из посольства, и, когда мы вглядывались в тупые лица громил с промытыми мозгами, которым поручили охрану нового бастиона Кремля в Европе, он сказал мне, чтобы я стер со своих губ идиотскую улыбку. А ведь я и не подозревал, что в тот момент улыбался. Это, стало быть, была одна из тех непроизвольных ухмылок, которые появляются на моем лице в самых неподходящих и очень серьезных случаях. Никакого повода улыбаться у меня тогда и быть не могло. На самом деле я не испытывал ничего, кроме страха и отвращения, – а только такие эмоции и могло вызывать представшее нашим глазам зрелище: постройку стены превратили в превосходное театральное представление, в первостатейный символ того, как чудовищная идеология окончательно сводит людей с ума.

Как же легко мы забываем пережитые страхи! В моем доме в Кенигсвинтере маляры красили стены столовой, когда стали передавать первые новости о строившихся баррикадах. Уподобляясь всем добропорядочным немцам, они аккуратно отмыли свои кисти и, будучи заботливыми отцами семейств, тут же отправились по домам. Посольский секретный кон-

¹ Автомобиль, выпускавшийся в те годы в Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*

клав обсуждал планы эвакуации. Но куда эвакуироваться, когда мир вокруг рушится? На контрольно-пропускном пункте, устроенном на Фридрихштрассе, который уже скоро стал известен всем как КПП «Чарли», американские и советские танки смотрели друг на друга, разделенные всего лишь ста ярдами проезжей части и тротуаров, направив стволы пушек точно в башни машин врага. По временам они угрожающе рычали двигателями на повышенных тонах, якобы прогревая их и поддерживая в готовности, но на деле пытаясь психологически подавить противника, как поступают профессиональные боксеры перед важным боем. А где-то по ту сторону стены остались захваченные врасплох британские, американские, французские и западногерманские агенты. Насколько мне известно, ни один не сумел заранее узнать о том, что произойдет, предвидеть события, и теперь им предстояло пожинать горькие плоды своей неосведомленности. Впрочем, многие из них нашли себе другие занятия. Но все же большинство поневоле оказалось во вражеском тылу и вынуждено было налаживать связь с хозяевами с помощью припрятанных радиопередатчиков, тайнописи и прочих методов, предназначенных, вообще-то говоря, лишь для экстренных ситуаций. С возведением стены индустрия шпионажа стала еще более засекреченной и опасной, вовлекла в себя, как никогда прежде, много новых людей, а главное – стала прибегать к более чем сомнительным методам решения своих задач. Как чувствовали себя советские агенты, оказавшиеся в ловушке в Западной Германии, я могу только воображать. Но они, конечно же, тоже не сидели сложа руки – просто изменившаяся ситуация значительно осложнила им и без того нелегкое существование.

И стена стала свершившимся фактом. Она встала надолго. Ее укрепляли и надстраивали. Ее окружили минными полями и контрольно-следовой полосой, разглаженной так ровно, что на ней сразу бросились бы в глаза даже следы заячьих лап. Очень редко, но кому-то все же удавалось либо перелезть через нее, либо устроить подкоп, либо перелететь на самодельном планере. Это отдельная история, и все те мужчины и женщины, которым удался побег, стали на Западе истинными героями, вероятно, не только потому, что проявили чудеса отваги, но и в силу самой своей малочисленности. Читая новости, приходящие из Восточной Германии сегодня², те, кто навсегда запомнил стену, могут смело утверждать, что героизм одиночек проложил дорогу к освобождению миллионов. Наша, то есть западная, пропаганда была в этом смысле совершенно правдива: восточногерманский режим в самом деле ненавидели те, кто жил под его правлением. И беглецы стали авангардом того, что превратилось теперь в армию, состоящую из целого народа, а почти все обвинения, выдвинутые против коррумпированных бонз в руководстве Восточной Германии, оказались справедливыми. И это, вероятно, придает теме моего романа дополнительную остроту.

Что подвигло меня на его создание? Откуда взялась основная идея? Скажу сразу, с такой огромной дистанции во времени любой мой ответ неизбежно окажется тенденциозен. Помню только, что я тогда был глубоко недоволен своей профессиональной деятельностью, а в личной жизни испытывал все крайности одиночества и смятения. Вероятно, многое из пережитых мной чувств заброшенности и озлобления поневоле проникло в характер Алека Лимаса. Помню, что хотел влюбиться, но мое прошлое и замкнутость в себе делали это невозможным. А потому обилие колючей проволоки и манипуляций с людьми в сюжете – это неизбежная дань препятствиям, стоявшим в те дни между мной и личной свободой. Я слишком долго жил в бедности, чрезмерно увлекался алкоголем и начал испытывать искренние сомнения в том, что правильно выбрал сферу деятельности. Стремление к освобождению от всех и всяческих пут не могло не сказаться самым пагубным образом на моей семейной жизни, как и на работе. Наблюдая за строительством стены, я видел перед собой воплощенное отчаяние, и поднявшийся во мне при этом зрелище гнев тоже нашел отражение в книге.

² Имеется в виду падение Берлинской стены в октябре 1989 г.

Хотя уверен, что в своих интервью того времени я ничего подобного не говорил. Вероятно, во мне все еще оставалось тогда слишком многое от шпиона, или я сам еще не до конца разобрался в себе, чтобы понять: создавая вымышленную историю с оригинальным сюжетом, я в действительности пытался навести хоть какой-то порядок в хаосе своей жизни.

Разумеется, позже я уже не мог написать ничего подобного, и на какое-то время стало расхожим мнение, что я принадлежу к числу так называемых авторов одной книги. Что «Шпион, пришедший с холода» стал моей большой, но случайной удачей, а остальное уже не шло с этим романом ни в какое сравнение. Моя следующая книга – «Война в Зазеркалье» – в значительно большей степени отражала реальность и боль, которую испытывал я сам, но она была тем не менее встречена британской критикой с прохладцей, как «скучная и нереалистичная». Впрочем, быть может, она такой и получилась, потому что я что-то не припоминаю ни одного положительного отзыва на ее выход в британской прессе.

Однако успех «Шпиона» оказался столь оглушителен, что мне на какое-то время следовало затаиться, и я понимал это. Мой первый брак распался, я прошел через все симптомы болезни величия, которой слава поражает любого литератора, добившегося успеха, как бы горячо он ни отрицал этого. Я нашел другую жену, более мудрую и терпеливую, постепенно сумев взять себя в руки. В результате мне удалось выжить. И для меня больше не существовало отговорок, чтобы писать хуже, чем я умел на самом деле, не пытаюсь каждый раз дойти до видимых границ своих способностей и заглянуть через их край, чтобы увидеть, есть ли там дальше хоть что-то еще или это уже предел.

Но мне, конечно же, никогда не забыть того времени, когда уродливый излом исторических событий совпал с отчаянной ломкой моего собственного жизнеустройства, как и тех недель, в течение которых родилась книга, изменившая мою судьбу.

1. Контрольно-пропускной пункт «Чарли»

Американец подал Лимасу еще одну чашку кофе и сказал:

– Почему бы вам не отправиться поспать? Мы вам сразу же позвоним, если он появится.

Лимас промолчал, продолжая смотреть в окно будки КПП на совершенно пустынную улицу.

– Вы же не можете ждать вечно, сэр. Не исключено, что он придет в другой день. Мы условимся с polizei, чтобы они тут же оповестили наше управление, и вы прибудете сюда буквально через двадцать минут.

– Нет, – ответил Лимас, – уже почти стемнело.

– Но вы не можете ждать бесконечно. Он опаздывает почти на девять часов.

– Если вам нужно идти – уходите. Вы проявили себя с самой лучшей стороны, – заверил Лимас. – Я так и доложу Крамеру: вы были мне крайне полезны.

– Но сколько еще будете дожидаться вы сами?

– Пока он не придет. – Лимас подошел к окошку наблюдателя и встал между двумя неподвижными фигурами полицейских. Их бинокли были направлены в сторону восточного КПП.

– Он дожидается полной темноты, – пробормотал Лимас. – Я это знаю точно.

– Но утром вы говорили, что он попытается пройти с группой рабочих.

Теперь Лимас взялся за него всерьез:

– Послушайте, агенты – это вам не рейсовые самолеты. Они не прибывают по расписанию. Он раскрыт, он в бегах, он испуган. Мундт идет по его следу. И у него будет всего один шанс. Так что предоставим ему самому выбирать время.

Более молодой мужчина колебался, желая уйти, но никак не находя подходящего момента. В будке раздался звонок. Они насторожились, но продолжали ждать. Один из полицейских сказал по-немецки:

– Черный «Опель-рекорд», федеральные регистрационные номера.

– Он ничего не видит на таком расстоянии в сумерках, это просто догадки, – шепнул американец и спросил: – Как Мундту все стало известно?

– Помолчите, – отозвался Лимас от окна.

Полицейский вышел из будки и перебрался в укрытие из мешков с песком, устроенное всего в двух футах от белой демаркационной линии, прорисованной вдоль улицы и похожей на разметку теннисного корта. Второй дождался, пока его товарищ присел на корточки у стереотрубы в укрытии, повесил бинокль на грудь, снял с крючка у двери черную каску и тщательно закрепил ее на голове. Где-то гораздо выше помещения КПП внезапно включились прожектора, светом театральных софитов залившие протянувшуюся перед ними дорогу.

Полицейский принялся комментировать происходящее. Но Лимас знал всю процедуру наизусть.

– Машина останавливается у первого контрольного пункта. В ней только один человек, женщина. Ее ведут в помещение Фопо³ для проверки документов.

Они некоторое время ждали в молчании.

– Что он говорит? – спросил американец.

Лимас не ответил. Взяв запасной бинокль, он пристально всматривался в восточногерманский пропускной пункт.

– Проверка документов закончена. Получен доступ ко второму этапу.

³ Имеется в виду Vopo – Volkspolizei – «Народная полиция» в бывшей ГДР.

– Мистер Лимас, это ваш человек? – не отставал от него американец. – Я обязан позвонить в управление.

– Подождите.

– Где сейчас машина? Что происходит?

– Декларирование валюты. Таможенный досмотр, – резко ответил Лимас.

Он продолжал наблюдать за машиной. Двое офицеров Фопо рядом с дверью водителя. Один разговаривает, второй стоит чуть в стороне и подстраховывает. Третий обходит вокруг автомобиля. Остановился рядом с багажником и тоже подошел к водительнице. Ему нужны ключи. Потом он открыл багажник, заглянул туда, захлопнул, вернул ключи и прошел тридцать ярдов вперед по улице, где точно посередине между двумя КПП стоял на посту единственный восточногерманский охранник – приземистый человек в сапогах и мешковатых брюках. Они завязали между собой разговор, хотя явно чувствовали себя неуютно в ярком свете прожекторов.

Небрежными жестами сотрудники Фопо показали, что автомобиль может следовать дальше. Машина доехала до двух полицейских, стоявших посреди улицы, и снова остановилась. Они обошли ее, снова посоветовались, но наконец с видимой неохотой разрешили пересечь границу западного сектора.

– Но вы ведь ждете мужчину, мистер Лимас? – уточнил американец.

– Да, мужчину.

Подняв воротник куртки, Лимас вышел наружу под пронизывающий октябрьский ветер. И ему вспомнилось, как когда-то здесь собралась толпа. В будке эта масса изумленных лиц легко забывалась. Люди менялись, но выражение на лицах оставалось прежним. Это напоминало беспомощные группы зевак, которые собираются на месте автомобильных аварий: никто не знает, как это произошло и можно ли трогать тела. Дым и пыль играли в лучах прожекторов, постоянно перемещаясь из одного светового столба в другой.

Лимас подошел к машине и спросил:

– Где он?

– За ним пришли, и ему пришлось бежать. Он взял велосипед. Обо мне они знать не могли.

– Куда он направился?

– У нас была комната над баром рядом с Бранденбургскими воротами. Он держал там кое-какие свои вещи, деньги, документы. Думаю, он поехал туда. А потом он пересечет границу.

– Этой ночью?

– Он сказал, что этой ночью. Всех остальных схватили – Пауля, Фирека, Лэндзера, Саломона. У него очень мало времени.

Лимас несколько секунд молча смотрел на нее.

– Значит, Лэндзера тоже?

– Прошлой ночью.

Рядом с Лимасом возникла фигура полицейского.

– Вам нужно куда-то переместиться, – сказал он. – Инструкцией запрещено создавать препятствия на пути перехода.

– Идите к дьяволу, – бросил Лимас, полуобернувшись.

Немец заметно напрягся, но тут вмешалась женщина:

– Садитесь ко мне. Мы отъедем дальше к углу улицы.

Он сел рядом с ней, и они медленно покатали к следующему перекрестку.

– Не знал, что у вас есть машина, – сказал он.

– Она принадлежит моему мужу, – объяснила она бесстрастно. – Карл ведь не рассказывал вам, что я еще и замужем, не так ли?

Лимас молчал.

– Мы с мужем работаем в оптической фирме. У нас есть разрешение пересекать границу по служебным делам. Карл назвал вам только мою девичью фамилию. Он вообще не хотел, чтобы я была... как-то связана с вами.

Лимас достал из кармана ключ.

– Вам нужно будет где-то остановиться, – сказал он просто. – Есть квартира на Альбрехт-Дюрерштрассе. Дом рядом с музеем. Номер 28А. Там найдете все необходимое. Когда он прибудет, я вам позвоню.

– Я останусь с вами.

– Я здесь не задержусь. Отправляйтесь в квартиру. Я позвоню. Нет никакого смысла ждать.

– Но он попытается перейти именно в этом месте.

Лимас удивленно посмотрел на нее.

– Он вам и это сказал?

– Да. У него здесь, на их КПП, есть знакомый из Фопо. Сын хозяина дома, где Карл жил. Он может оказаться полезен. Поэтому Карл и предпочел этот путь.

– Он поделился с вами даже этим?

– Он мне доверяет. Рассказывал обо всем.

– О боже! – Лимас отдал ей ключ, а сам вернулся в будку КПП, подальше от холода.

Когда он вошел, немецкие полицейские перешептывались, а один из них – тот, что был выше ростом, – демонстративно повернулся к нему спиной.

– Прошу простить меня, – сказал Лимас. – Мне жаль, что нагрубил вам. – Он открыл свой потертый портфель и порылся в содержимом, пока не нашел то, что искал: ополовиненную бутылку виски.

Более пожилой из двоих кивнул, взял у него бутылку, разлил виски по кружкам, а сверху дополнил черным кофе.

– Куда делся американец? – спросил Лимас.

– Кто?

– Тот молодой человек из ЦРУ, который был со мной.

– Ему пора баиньки, – сказал пожилой, и они дружно рассмеялись.

Лимас поставил свою кружку и спросил:

– Какие у вас инструкции по поводу стрельбы для защиты человека, пытающегося перейти линию? Перебежать незаконно.

Пожилой ответил:

– Мы не можем открывать заградительного огня, мистер...

– Томас, – подсказал Лимас. – Мистер Томас.

Они пожали друг другу руки, и двое полисменов тоже представились.

– Мы не имеем права прикрывать перебежчиков огнем. Это все. Нам сказали, что может начаться чуть ли не война, если станем стрелять.

– Чепуха, – вмешался более молодой из двоих, на которого уже явно начало действовать выпитое. – Если бы здесь не было союзников, то и стены бы уже не было.

– Как и Берлина вообще, – пробормотал его старший товарищ.

– Мой человек попытается перейти границу этой ночью, – коротко информировал их Лимас.

– Здесь? Прямо через КПП?

– Крайне важно перетащить его на эту сторону. За ним охотятся люди Мундта.

– Еще остались места, где можно попробовать перелезть стену, – сказал молодой.

– Он на это не пойдет. Его оружие – хитрость. У него есть нужные бумаги, если только они еще не просрочены. И он будет на велосипеде.

В будке КПП стояла только настольная лампа с зеленым абажуром, но свет уличных прожекторов, подобно искусственной луне, ярко освещал ее внутренности. На улице окончательно сгустилась ночь и воцарилась полная тишина. Они разговаривали так, словно опасались, что их могут подслушать. Лимас подошел к окну и стал ждать, глядя на улицу, протянувшуюся по обе стороны от стены – грязноватого сооружения из каменных блоков с колючей проволокой поверху, подсвеченного пошловатого оттенка желтыми огнями, как театральная декорация ограды концентрационного лагеря. К востоку и западу от стены лежали оставшиеся невосстановленными руины домов Берлина, странный, двухмерный мир развалин, напоминавший о недавней войне.

«Проклятая баба!» – подумал Лимас. И Карл – круглый дурак, который лгал о ней. Лгал, когда недоговаривал, как делают они все – агенты в любой стране мира. Ты учишь их обманывать, замечать за собой следы, а потом они начинают обманывать тебя самого. Карл показал ее только однажды после обеда на Штюрштрассе в прошлом году. Как раз тогда он добился большого успеха, и Шеф пожелал встретиться с ним лично. Шефа всегда манил к себе успех. Они поужинали втроем – Лимас, Шеф и Карл. Тот тоже обожал подобные рандеву. Он явился довольный, как мальчишка из воскресной школы, весь прилизанный и сияющий, почтительно сняв перед начальником шляпу и оказывая все положенные знаки уважения. Шеф минут пять тискал его руку в своей, а потом сказал: «Хочу, чтобы вы знали, Карл, как мы вами довольны. Чертовски хорошая работа!» Лимас наблюдал и думал: «Эта похвала будет нам стоить еще пару сотен в год». Когда обед закончился, Шеф снова жал Карлу руку, многозначительно намекая, что, к сожалению, должен их покинуть, чтобы снова рисковать жизнью, но уже в другом месте. После чего отбыл в лимузине, за рулем которого сидел персональный шофер. Карл расхохотался ему вслед, Лимас тоже не удержался от смеха, и вот так, не переставая подшучивать над замашками Шефа, они прикончили бутылку шампанского. После этого они перебрались в бар «Альтер фасс», на чем горячо настаивал Карл, и там-то их и поджидала Эльвира – сорокалетняя блондинка с железным характером.

– Это мой самый большой секрет, Алек, – признался Карл, а Лимас пришел в ярость.

Чуть позже они крепко повздорили.

– Что ей известно? Кто она такая? Как ты с ней познакомился?

Но Карл надулся и отмалчивался. Дальше дела пошли еще хуже. Лимас внес изменения в их совместные действия, поменял явки, пароли, а Карлу все это совершенно не понравилось. Он не мог не понимать, почему Лимас это делает, и не скрывал недовольства.

– Если ты ей не веришь, то уже все равно слишком поздно, – заявил Карл, а Лимасу оставалось только утереться и закрыть тему.

Но с тех пор он стал осторожнее с Карлом, делился с ним лишь самой необходимой информацией, чаще прибегал к всевозможным хитроумным уловкам, которыми владеет любой мастер шпионажа. И вот вам, пожалуйста! Она появляется за рулем своей машины, демонстрируя осведомленность обо всей агентурной сети, о явочной квартире и прочем. Лимасу же ничего не оставалось, как в очередной раз дать себе зарок никогда полностью не доверять ни одному из своих подопечных.

Он взял телефон и позвонил в свою квартиру в Западном Берлине. Ответила фрау Марта.

– У нас на Дюрерштрассе будут гости, – сказал Лимас. – Мужчина и женщина.

– Они женаты? – спросила Марта.

– Будем считать, что женаты, – ответил Лимас, на что она разразилась тем смехом, который всегда вселял в него робость. Не успел он положить трубку, как один из полицейских повернулся к нему.

– Герр Томас! Скорее сюда!

И Лимас вышел из будки к посту наблюдателя.

– Там мужчина, герр Томас, – прошептал молодой полисмен. – С велосипедом. Лимас схватился за бинокль.

Это был Карл. Даже на таком расстоянии его фигура угадывалась безошибочно. Он был в старом плаще из обмундирования вермахта и толкал велосипед. Ему удалось, подумал Лимас, у него все получилось. Он уже миновал проверку документов, осталась только таможня. Лимас видел, как Карл прислонил велосипед к металлическому ограждению и зашел в будку таможенников. «Только не наддай глупостей в последний момент!» – молил Лимас. Но вскоре Карл вышел, приветливо махнул рукой дежурному у шлагбаума, и перекладина в красно-белых полосах медленно поднялась. Он прошел, он приближался к ним, он проделал свой трюк. Оставалось миновать часового из Фопо на дороге и белую полосу. А потом он будет в безопасности.

Но в этот момент Карл, казалось, услышал какой-то звук, почувствовал угрозу: он оглянулся через плечо, оседлал велосипед и стал усиленно крутить педалями, низко склонившись над рулем. Впереди посреди улицы все еще оставался одинокий страж, но теперь он повернулся и пристально смотрел на Карла. Затем совершенно неожиданно вспыхнули бриллиантово-белые лучи прожекторов, поймали Карла и повели его, как фары машины высвечивают в темноте зайца. Донесся пронзительный вой сирены, громкие гортанные голоса отдавали приказы. Двое полицейских, только что стоявших рядом с Лимасом, опустились на колени и продолжали наблюдение сквозь щели, оставленные среди мешков с песком, сноровисто, но без толку щелкая затворами своих автоматов.

Восточногерманский полицейский выстрелил. Причем сделал это точно и умело, оставаясь строго в пределах своей зоны. От первой пули Карла как будто качнуло вперед, а от второй – отбросило назад. Непостижимым образом он все еще продолжал ехать, держался в седле, минуя часового, который теперь палил в него непрестанно. Затем Карл упал и несколько раз перевернулся на асфальте, а через секунду по мостовой заскрежетал металл велосипеда. Лимасу оставалось только надеяться, что смерть Карла была мгновенной.

2. Цирк

Он видел, как взлетно-посадочная полоса аэропорта Темпельхоф пропала где-то вниз. Лимас не имел склонности к рефлексиям и не особенно любил философствовать. Он знал, что с ним все кончено, – и для него это был всего лишь факт, с которым предстояло смириться и жить дальше, как живут люди, больные раком или отбывающие тюремный срок. Невозможно было заранее подготовиться, чтобы построить прочный мост из прошлого в день сегодняшний. И он воспринимал свой провал так, как, вероятно, однажды встретит свою смерть – с циничным презрением и отвагой вечного одиночки. Он продержался дольше, чем большинство других, и вот – потерпел поражение. Есть такая поговорка, что собака живет, пока у нее есть зубы. Если прибегнуть к метафоре, то Лимасу зубы вырвали с корнем, и сделал это Мундт.

А ведь десять лет назад он мог пойти по совершенно иной дорожке. Открылось множество вакансий для чисто канцелярской работы в государственном учреждении без вывески, расположенном на Кембридж-серкус⁴. Лимас имел возможность выбрать любую из бумажных должностей и продержаться в своем кресле до глубокой старости. Но это в корне противоречило бы его характеру. Проще было бы уговорить жокея пересест в кресло продавца билетов тотализатора на бегах, чем заставить Лимаса сменить работу активного оперативника разведки на роль кабинетного аналитика, строящего теории и исподволь подгоняющего их под интересы Уайтхолла. И он до последнего оставался в Берлине, зная, что кадровики теперь каждый год заново рассматривают его досье: упорный, волевой, презирующий бредовые ограничения, уверенный, что ему в очередной раз подвернется нечто важное. У разведчика, как правило, нет моральных принципов, за исключением одного – он должен оправдывать свою работу достигнутыми результатами. С этим принципом приходилось считаться даже мудрецам с Уайтхолла. А Лимас добивался блестящих результатов. До того как столкнулся с Мундтом.

Оставалось только поражаться, как быстро Лимас понял, что появление Мундта стало для него пресловутой надписью на стене, приговором, который рано или поздно будет приведен в исполнение.

Ганс-Дитер Мундт родился сорок два года назад в Лейпциге. Лимас изучал его личное дело, видел фотографию на внутренней стороне обложки: бесстрастное жесткое лицо под шапкой соломенно-желтых волос; знал наизусть историю его восхождения к власти в Абтайлунге⁵, где он занял вторую по важности должность, эффективно руководя всеми операциями. Мундта ненавидели даже сотрудники его собственной организации. Лимасу об этом сообщали и перебежчики, и Карл Римек, который был членом президиума Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и входил в комитет по безопасности вместе с Мундтом, вселявшим страх даже в него. И, как выяснилось, боялся он не зря, потому что Мундт расправился и с ним тоже.

До 1959 года Мундт оставался в Абтайлунге незначительной фигурой, работая в Лондоне под крышей восточногерманского представительства сталелитейной промышленности⁶. Но потом ему пришлось срочно бежать в Германию, чтобы спасти свою шкуру после убийства двух собственных агентов, и больше года никаких новых сведений о нем не посту-

⁴ Слово *circus* может означать по-английски и «круглая площадь», и «цирк». Поскольку штаб-квартира британской разведки располагалась в те годы на Кембриджской площади, сотрудники называли свое учреждение «цирком», не обязательно и далеко не всегда вкладывая в название негативный или издевательский смысл.

⁵ Управление министерства обороны ГДР, отвечавшее за разведку.

⁶ Эти события описаны в самом первом произведении Ле Карре – повести «Звонок мертвецу».

пало. Затем совершенно внезапно он вдруг всплыл в штаб-квартире Абтайлунга в Лейпциге в роли начальника отдела материального обеспечения, отвечавшего за распределение валюты, снаряжения и людских ресурсов в целях осуществления особо важных операций. К концу того года в недрах Абтайлунга развернулась ожесточенная борьба за власть. Число и влияние офицеров советской разведки, работавших в ГДР, резко уменьшилось, нескольких ветеранов из старой гвардии отстранили от дел по идеологическим мотивам, и на передний план выдвинулись три фигуры: Фидлер стал начальником контрразведки, Ян занял пост Мундта как главного финансиста и снабженца, а сам Мундт вытянул воистину выигрышный билет – должность заместителя директора оперативного отдела – немалое достижение для человека, которому едва исполнился сорок один год. И стиль работы отдела сразу же радикально изменился. Первым агентом, которого лишился Лимас, стала девушка. Она была лишь звеном в цепочке, выполняя главным образом обязанности курьера. Ее застрелили на улице Восточного Берлина, когда она выходила из кинотеатра. Убийцу полиция так и не нашла, а Лимас поначалу даже был склонен считать ее гибель случайностью, никак не связанной с работой. Месяц спустя носильщик с железнодорожного вокзала в Дрездене, бывший агент из организации, созданной Питером Гилламом, был найден за путевым тупиком мертвым и изуродованным до неузнаваемости. Лимас уже знал, что это не могло быть простым совпадением. Вскоре арестовали и негласно приговорили к смертной казни еще двух членов одной из сетей, находившихся под контролем Лимаса. Так продолжалось какое-то время – противник действовал решительно и беспощадно, выбивая почву из-под ног британской разведки.

А теперь его жертвой стал Карл, и Лимас покидал Берлин, находясь в той же ситуации, в какой был когда-то, прибыв туда впервые, – то есть не имея в своем распоряжении ни одного агента, стоившего хотя бы фартинг. Мундт победил.

Лимас был мужчиной невысокого роста, который коротко стриг свои седые со стальным отливом волосы. При этом он обладал незаурядной физической силой. Она угадывалась в строении его спины, плеч, шеи, рук и даже в плотных коротких пальцах.

В одежде, как и в большинстве других вещей, он придерживался строго утилитарного подхода, а потому даже очки, которыми он изредка пользовался, имели прочную металлическую оправу. Костюмы он носил почти исключительно из искусственных тканей и избегал жилеток. Рубашки предпочитал американского покроя с пуговицами, крепившими уголки воротничков, а обувь – замшевую на резиновой подошве.

Лицо его можно было назвать привлекательным: мужественное, с упрямым абрисом тонкогубого рта. Небольшие карие глаза многие почему-то считали типично ирландскими. При этом внешность и манеры Лимаса делали трудной задачей определить, какое место отведено ему в этом мире. Если бы он попытался войти в закрытый лондонский клуб, привратник никогда бы не ошибся и не принял его за постоянного члена, зато в ночных клубах Берлина ему неизменно торопились подобрать лучший из свободных столиков. Он выглядел одновременно и как тип, от которого можно было ждать неприятностей, и как человек, умевший распорядиться своими деньгами, но все-таки не джентльмен в полном смысле этого слова.

Стюардессе он показался интересным. Она предположила, что он откуда-то с севера страны, что вполне могло быть правдой, а также что он богат – и здесь она сильно промахнулась. На вид ему казалось лет пятьдесят, и эта ее догадка оказалась почти верной. Он не женат, подумала она, но это соответствовало действительности лишь наполовину. Далеко в прошлом остался развод: двое детей, уже старшекласники, получали от него алименты через один никому не известный частный банк, расположенный в Сити.

– Если хотите еще виски, – сказала бортпроводница, – то поспешите. Через двадцать минут мы уже приземлимся в Лондоне.

– Нет, больше не надо. – Он даже не поднял на нее взгляда, рассматривая в иллюминатор серо-зеленые поля Кента.

Фоли встретил его в аэропорту и отвез в город.

– Шефа сильно разозлило несчастье с Карлом, – сказал он, бросив искоса взгляд на Лимаса. Тот кивнул.

– Как это произошло? – спросил Фоли.

– Его подстрелили. Люди Мундта перехватили его.

– Он мертв?

– Думаю, что да. По крайней мере хотелось на это надеяться. А ведь ему почти удалось прорваться. Не стоило паниковать и слишком торопиться. Они ни в чем не были уверены. Абтайлунг прибыл на КПП уже после того, как ему разрешили переход. Они успели включить сирену, и один из Фопо всадил в него пулю всего в двадцати ярдах от линии. Он какое-то время шевелился, а потом уже не подавал признаков жизни.

– Бедняга.

– Иначе не скажешь.

Фоли не любил Лимаса, но если Лимас и знал об этом, то ему было совершенно наплевать. Фоли состоял членом нескольких клубов, носил дорогие галстуки, любил обсуждать достоинства и недостатки спортсменов, а также непременно указывал свое воинское звание во внутренней переписке. Лимаса он считал человеком с сомнительной репутацией, а Лимас считал его дураком.

– В каком отделе служишь теперь? – спросил Лимас.

– В кадровом.

– Нравится?

– Увлекательно.

– Куда отправят меня? В глубокий запас?

– Пусть Шеф все скажет тебе сам, старина.

– Но ведь ты знаешь?

– Разумеется.

– Так какого лешего не можешь информировать меня?

– Прости, старина, – ответил Фоли, и Лимас внезапно почувствовал, как начинает терять самообладание. Но его вовремя посетила мысль, что Фоли скорее всего лжет.

– Скажи мне по крайней мере одно, если ты не против: мне нужно начинать подыскивать себе жилье в Лондоне?

Фоли поскреб у себя за ухом.

– Не думаю, старина. Едва ли возникнет такая необходимость.

– Значит, не надо? Спасибо хотя бы за это.

Они поставили машину на Кембридж-серкус рядом с парковочным счетчиком и вместе вошли в вестибюль.

– У тебя есть пропуск? Если нет, придется заполнить заявку, старина.

– С каких пор здесь ввели пропуска? К тому же Макколл знает меня лучше, чем мать родную.

– Новые порядки. Цирк все время разрастается, видишь ли.

Лимас ничего на это не ответил, кивнул стоявшему на проходной Макколлу и оказался внутри лифта без всякого пропуска.

Шеф⁷ пожал ему руку с некоторой опаской, словно доктор, проверяющий, целы ли у пациента кости.

– Вы, должно быть, ужасно устали, – сказал он доброжелательно, – садитесь, пожалуйста.

Тот же занудный голос, та же интонация школьного учителя.

Лимас сел на стул лицом к оливково-зеленому электрическому обогревателю, поверх которого непостижимым образом балансировала миска с водой.

– Вам не кажется, что здесь холодновато? – спросил Шеф и, склонившись ближе к обогревателю, принялся потирать над ним руки. Под черным пиджаком у него был сильно поношенный коричневый свитер. Лимас сразу вспомнил о жене Шефа – недалекой маленькой женщине по имени Мэнди, которая, кажется, пребывала в твердом заблуждении, что ее муж работает в департаменте угольной промышленности. По всей вероятности, она этот свитер ему и связала.

– А ведь вся проблема в том, что очень сухо, – продолжал Шеф. – Победив холод, вы иссушаете атмосферу в комнате. Это почти так же опасно. – Он подошел к столу и нажал на кнопку. – Сейчас мы попытаемся попросить, чтобы нам принесли кофе. Джинни в отпуске, вот беда. И они приставили ко мне другую девушку. Она никуда не годится.

Он был еще ниже ростом, чем запомнился Лимасу, но в остальном нисколько не изменился. Та же демонстрация живого участия при полной отчужденности, та же чопорная надменность, та же внешняя вежливость и обходительность, сведенные к внешним проявлениям, но не имевшие, как знал Лимас, ничего общего с реальностью. Та же вялая улыбка на лице, та же наигранная скромность, та же приверженность кодексу поведения, который он сам готов был высмеять. Та же банальность.

Достав из ящика стола пачку сигарет, он угостил Лимаса.

– Не поверите, как они за это время здесь подорожали, – сказал он, и Лимасу оставалось только понимающе кивнуть в ответ.

Сунув пачку в карман, Шеф сел. Повисла пауза. Потом Лимас сказал:

– Римек погиб.

– Да, в самом деле, – отозвался Шеф так, словно Лимас поделился с ним каким-то очень верным наблюдением. – Это крайне прискорбно. Весьма... Вероятно, его выдала эта женщина, Эльвира?

– Похоже, что так. – Лимас, естественно, не стал спрашивать, как он узнал об Эльвире.

– И люди Мундта застрелили его.

– Да.

Шеф поднялся и стал слоняться по кабинету в поисках пепельницы. Обнаружив ее, неловко поставил на пол между двумя стульями.

– Как вы себя почувствовали? Я имею в виду, когда застрелили Римека? Это же произошло у вас на глазах, не так ли?

Лимас пожал плечами.

– Я был чертовски раздосадован, – ответил он.

Шеф склонил голову набок и слегка прикрыл глаза.

– Уверен, ваши чувства этим не ограничились. Наверняка вы были потрясены, так? Это было бы гораздо более естественно.

– Да, я испытал потрясение. Как пережил бы его любой на моем месте.

– Вам нравился Римек? Чисто по-человечески?

⁷ Официально он занимал пост оперативного начальника департамента спецслужб министерства обороны до образования ныне широко известных секретных организаций МИ-5 и МИ-6.

– Вероятно, да, нравился, – ответил Лимас покорно. – Мне кажется, сейчас уже нет смысла обсуждать это, – добавил он.

– Как вы провели ночь? Точнее, то, что от нее осталось, после смерти Римека?

– О чем у нас разговор? – Лимас начал немного горячиться. – К чему вы клоните?

– Римек стал последним, – задумчиво сказал Шеф. – Последней жертвой в длинном списке погибших. Если память меня не подводит, все началось с девушки, которую застрелили в Веддинге у кинотеатра. Потом был наш человек в Дрездене и серия арестов в Йене. Как десять маленьких негрят. Теперь Пауль, Фирек и Лэндзер – все мертвы. И наконец, Римек. – Он криво усмехнулся. – Мы заплатили слишком дорогую цену. И я подумал, что, быть может, с вас довольно.

– В каком смысле довольно?

– Мне показалось, что вы переутомлены. Перегорели. Выдохлись.

Воцарилось долгое молчание.

– Об этом вам судить, – наконец сказал Лимас.

– Нам всем приходится жить, не имея привязанностей, верно? Хотя это, конечно же, невозможно. Мы строим друг с другом жесткие отношения, хотя на самом деле вовсе не такие уж черствые люди. Я хочу сказать... Человек не может все время жить на холоде; иногда с холода нужно возвращаться... Вы понимаете, о чем я?

Лимас понимал. Он вспомнил длинное шоссе, ведущее из Роттердама, ровную прямую дорогу среди дюн и бредущий по ней поток беженцев; вспомнил, как появился самолет, казавшийся издали совсем крошечным, и как шествие замерло, вглядываясь в него: самолет снижался почти к самым дюнам. Он вспомнил кровавый хаос, бессмысленный крошечный ад, когда бомбы стали падать вдоль дороги.

– Я не могу продолжать разговор намеками, – произнес Лимас. – Что вы хотите мне поручить?

– Хочу, чтобы вы продержались на холоде еще немного.

Лимас промолчал, и Шеф продолжил:

– Вся этика нашей работы, как я ее понимаю, строится на одном фундаментальном принципе. И состоит он в том, что агрессия никогда не будет исходить от нас. Вы согласны с этим?

Лимас кивнул. Что угодно, только бы ничего сейчас не говорить.

– Да, мы совершаем неблагоприятные поступки, но всегда лишь в целях *обороны*. С этим, думаю, тоже трудно не согласиться. Мы вынуждены поступать скверно, но лишь для того, чтобы обычные люди в этой и других странах могли спокойно спать ночью в своих постелях. Или вам кажется, что я ударился в романтику? Разумеется, мы порой делаем страшные вещи, – он усмехнулся, как хулиганистый школьник. – И, оправдывая себя с моральной точки зрения, зачастую допускаем некоторую подтасовку: в конце концов невозможно проводить прямое сравнение между идеологией одной стороны и методами, к которым прибегает другая. Разве я не прав?

Лимас несколько растерялся. Он не раз слышал, как этот человек начинал нести околесицу, прежде чем нанести жестокий удар, но никогда дело не доходило ни до чего подобного.

– Я хочу сказать, что сравнивать между собой можно только метод с методом, идеал с идеалом. И в этом смысле со времени окончания войны методы наших врагов и наши собственные стали практически идентичны. Нельзя уступать противнику в безжалостности только потому, что политика твоего правительства подразумевает более мягкие подходы, верно? – Он тихо рассмеялся, как бы про себя. – Это же ни в какие ворота не лезет.

«Боже милостивый! – подумал Лимас. – Его разглагольствования уже начинают напоминать туманные речи отцов церкви. Что именно он мне все-таки пытается втолковать?»

– Вот почему, – продолжал Шеф, – по моему мнению, мы должны избавиться от Мундта... О, черт! – Он раздраженно повернулся к двери. – Принесут нам когда-нибудь кофе или нет? – Шеф вновь пересек комнату, открыл дверь и поговорил с невидимой девушкой в приемной. Вернувшись, он закончил: – Я считаю нашим долгом устранить его, если только нам это удастся.

– А зачем? У нас же ничего не осталось в Восточной Германии. Вообще ничего. Вы сами только что подвели черту – Римек был последним. Нам некого там больше защищать.

Шеф сел и какое-то время разглядывал свои руки.

– Это не совсем так, – произнес он наконец. – Но не думаю, что мне стоит утомлять вас скучными подробностями.

Лимас в ответ лишь передернул плечами.

– Скажите мне, – продолжал Шеф, – вы устали от шпионажа? Простите, если я начинаю повторяться. Потому что это феномен, который нам здесь хорошо знаком, хотите верьте, хотите нет. У авиастроителей это называется усталостью металла... По-моему, я верно употребил термин. Как обстоит дело с вами?

Лимас вспомнил свои мысли по пути домой этим утром и задумался над ответом.

– Потому что, если вы истощены, – добавил Шеф, – нам придется изыскивать другие способы добраться до Мундта. Понимаете, то, что я задумал, несколько выходит за рамки привычного.

Вошла девушка с кофе, поставила поднос на стол и наполнила две чашки. Шеф подождал, пока она удалилась.

– Такая дуреха, – заметил он так, словно беседовал сам с собой. – У меня в голове не укладывается, почему так трудно стало найти хорошую секретаршу. Право, не стоило давать Джинни отпуск именно сейчас. – Он какое-то время с хмурым видом помешивал сахар в своей чашке. – Нам нужно во что бы то ни стало хотя бы дискредитировать Мундта, – сказал он после паузы. – Скажите честно, вы много пьете? Виски там и прочее спиртное?

А ведь Лимас считал, что знает Шефа как облупленного.

– Да, я выпиваю. И думаю, что больше и чаще, чем другие.

Шеф понимающе кивнул.

– Что вам известно о Мундте?

– Он – убийца. Работал в Лондоне года два назад в представительстве министерства сталелитейной промышленности Восточной Германии. Нами тогда руководил советник кабинета министров – Мاستон.

– Да, я в курсе.

– Мундт поддерживал связь с агентом – женой чиновника из МИДа. И убил ее.

– А еще он покушался на Смайли. И он же застрелил мужа той женщины. Это омерзительный человек. Когда-то состоял в гитлерюгенде, и все такое. Совершенно не правоправный тип коммуниста и не интеллигент. Чистый практик холодной войны.

– Подобный нам с вами, – сухо заметил Лимас.

Шеф не воспринял это как шутку и не улыбнулся.

– Джордж Смайли знал о том деле все. К сожалению, он больше у нас не работает, но, я думаю, его стоит разыскать. Он сейчас занимается какими-то исследованиями Германии семнадцатого столетия. Живет в Челси прямо за Слоун-сквер, на Байуотер-стрит. Вы имеете представление, где это?

– Да.

– С ним в паре тогда работал Гиллам. Он сейчас в четвертом отделе стран-союзников на третьем этаже. Боюсь, произошло слишком много перемен с тех пор, как вы работали здесь.

– Что верно, то верно.

– Пообщайтесь с ними денек-другой. Они посвящены в задуманный мною план. А потом я хотел бы пригласить вас на выходные к себе. Моей жены не будет дома, – поспешно добавил он. – Она сейчас ухаживает за больной матерью. Так что мы будем предоставлены самим себе. Только вы и я.

– Спасибо. С удовольствием.

– Мы сможем все обсудить в полнейшем комфорте. Это будет замечательно. У вас появится шанс заработать на этом немалые деньги. Все, что получите, вам разрешат оставить себе.

– Спасибо.

– Но разумеется, при том условии, что вы полностью уверены и действительно хотите участвовать... Никакой усталости металла и прочего.

– Если речь идет о физическом устранении Мундта, то я в игре.

– Таковы ли ваши чувства на самом деле? – Шеф выразил свое сомнение в самой мягкой форме. А потом, задумчиво посмотрев на Лимаса, пустился в рассуждения: – Да, вижу, что таковы. Но вы ни в коем случае не должны думать, что обязаны уверять меня в этом. При нашей профессии мы быстро теряем ощущения ненависти или любви, и они становятся для нас чем-то схожим со звуками, которые собаки просто физически не воспринимают на слух. Бывает, остается только своего рода тошнота, и хочется одного – больше никогда и никому не причинять страданий. Простите, если ошибаюсь, но разве не испытали вы нечто подобное, когда у вас на глазах убили Карла Римека? Ведь вами не овладела ненависть к Мундту или любовь к Карлу? Вы почувствовали лишь тупую боль в ставшем бесчувственным теле... Мне сказали, что вы потом ходили всю ночь. Просто бесцельно бродили по берлинским улицам. Это правда?

– Правда то, что я отправился на прогулку.

– И гуляли всю ночь?

– Да.

– Что стало с Эльвирой?

– А бог ее знает... Я бы очень хотел нанести удар по Мундту, – сказал Лимас.

– Хорошо... Просто отлично. Кстати, если в ближайшее время вы встретитесь кое с кем из прежних друзей, не стоит с ними откровенничать. Скажу больше, – добавил Шеф, – на вашем месте я бы оборвал старые связи. Пусть они считают, что мы обошлись с вами очень дурно и несправедливо. Начинать – так сразу. Легче будет потом продолжить.

3. Под откос

Никого особенно не удивило, когда Лимаса отстранили от оперативной работы. Общее мнение было таким: Берлин многие годы был местом сплошных провалов, и кого-то должны были примерно наказать за это. Кроме того, Лимас стал староват для участия в операциях, где зачастую реакция должна быть лучше, чем у профессионального теннисиста. Лимас отлично поработал во время войны – об этом знали все. В Норвегии и Голландии он остался жив вопреки всему. Его наградили медалью и досрочно отправили в отставку. Чуть позже его, конечно же, вернули в разведку, но вот только с пенсией случилась незадача. Здесь ему решительно не повезло. Слух об этом распустила бухгалтерия в лице Элси. Всем, кто готов был слушать, Элси рассказывала в столовой, что Алеку Лимасу в старости придется как-то жить всего на 400 фунтов в год по причине прерванного служебного стажа. Сама Элси считала это правило нелепым и нуждавшимся в пересмотре: в конце концов, мистер Лимас имел немалые заслуги, ведь так? Но все инструкции исходили теперь из министерства финансов, не то что в прежние годы. И что тут поделаешь? Даже в худшие времена правления Масто́на с людьми не поступали так жестоко.

Лимас, как объясняли новичкам, являл собой типичного представителя старой гвардии разведки, отличительными чертами которого были: привычка к виду крови, мужество, любовь к крикету и никакого образования, кроме средней школы и курсов французского языка. Правда, в отношении Лимаса почти все это было неправдой. Он блестяще владел немецким и голландским языками, а крикет ненавидел. Вот диплома колледжа действительно не имел.

Срок действия контракта Лимаса истекал через несколько месяцев, и его отправили досиживать это время в банковском отделе. В отличие от внутренней бухгалтерии там занимались оплатой заграничных счетов и переводом денег за рубеж, то есть прямым финансированием агентурной сети и ее операций. Большую часть работы в отделе могли бы запросто выполнять молодые клерки, если бы не режим особой секретности, а потому это подразделение и стало одним из отстойников, куда направляли проверенных оперативников, которым вскоре предстояло уйти на покой.

И жизнь Лимаса покати́лась под откос.

Обычно люди его положения падают на дно далеко не сразу – это процесс в большинстве случаев достаточно затяжной, но с Лимасом все получилось иначе. На глазах коллег он из человека, с достоинством уходящего в отставку, превратился в отвратительного забулдыгу – и это за считанные недели. Пьющие люди быстро глупеют, что становится особенно заметно, когда они трезвы, и эта глупость воспринимается порой поверхностными наблюдателями как некое самоотречение, сбивчивость в мыслях и поступках как некое недоступное другим знание. Лимас приобрел эту особенность характера в изумительно короткий срок. Он сделался мелочно лжив, занимал у секретарш небольшие суммы денег, которые забывал возвращать, являлся на работу поздно, а уходил рано, придумывая самые вздорные предлоги. Поначалу товарищи по работе относились к его выходкам снисходительно: возможно, его жизненный крах пугал их так же, как иногда страшат нас нищие и калеки просто потому, что мы опасаемся стать однажды такими же, как они. Но постоянная грубость, беспричинная озлобленность, пренебрежение своими обязанностями в конце концов образовали вокруг него пустоту.

Но больше всего сотрудников Цирка поразило равнодушие, с которым Лимас воспринял свое отстранение от реальных дел. Казалось, сила воли внезапно оставила его. Молоденькие секретарши, которые прежде отказывались верить даже в то, что в святая святых спецслужб могут работать простые смертные, с особой тревогой воспринимали откровен-

ный распад личности Лимаса. Он перестал следить за собой, его больше совершенно не волновало, кто и что его окружает. Он обедал в дешевой столовой, где обычно можно было встретить только нижних чинов и вольнонаемных из obsługi, а о том, как сильно он пьет, уже ходили не сплетни, а легенды. Он превратился в одиночку, совершил исполненный трагизма переход в унылую группу все еще способных на активные действия людей, которых преждевременно лишили этой возможности, вроде пловцов без пропуска в бассейн или актеров, изгнанных со сцены.

Среди тех, кто не был в курсе реального положения дел, тоже ходили разговоры о том, что он совершил в Берлине серьезные ошибки, из-за чего агентурная сеть понесла существенный урон, однако никто толком ничего не знал, и все довольствовались домыслами. Сходились только в том, что с ним обошлись необычайно жестоко, даже сотрудники отдела кадров, где сидели те еще филантропы. Когда он проходил мимо, на него незаметно указывали непосвященным, как это бывает с великими в прошлом спортсменами: «Тот самый Лимас. Он напортачил в Берлине. Просто ужас, как человек опустился».

А в один прекрасный день он просто пропал, ни с кем не попрощавшись. Даже, по всей видимости, с Шефом. Сам по себе его незаметный уход не стал бы чем-то из ряда выходящим. В силу специфики секретной службы здесь не устраивали пышных проводов с шампанским и вручением именных золотых часов, но даже на таком фоне исчезновение Лимаса выглядело уж очень неожиданным. Ведь, по просочившимся данным, его контракт к тому времени еще оставался в силе. Эlsi из бухгалтерии, как всегда, поделилась некоторыми крупными порциями информации: Лимас потребовал выдать ему зарплату вперед наличными, а это, если Эlsi хоть что-то понимала в своем деле, означало, что у него возникли проблемы с банком. Причитавшееся ему выходное пособие должны были выплатить в конце месяца — она не знала, сколько в точности, но сумма даже не четырехзначная, вот бедняга! Карточку социального страхования ему выслали на дом. У кадровиков имелся его домашний адрес, но они, говорила Эlsi, фыркая, ни за что никому его не дадут. Им это строго запрещено, кадровикам то бишь.

Затем всплыла история с другими деньгами. Пополз слух, источник которого, как всегда в таких случаях, остался неизвестным, что поспешное исчезновение Лимаса было связано с вскрывшимися злоупотреблениями в банковском отделе. Пропали большие деньги (сумма теперь называлась именно четырехзначная, как настаивала сотрудница коммутатора с подсиненными волосами), но они сумели почти все вернуть, а на его пенсию наложили арест. Однако многие не воспринимали эту байку всерьез. Если бы Алек захотел обчистить кассу, говорили знатоки, он сделал бы это ловко, не оставив следов в финансовой отчетности штаб-квартиры. Никто не спорил, что он способен на такое, не верилось, наоборот, что он не сумел провернуть простой трюк и не попасться. Но в ответ на это те, кто не склонен был преувеличивать криминальный потенциал Лимаса, настаивали, что надо принимать в расчет злоупотребление спиртным, дороговизну наемного жилья, непривычную для Лимаса огромную разницу между зарплатами в Лондоне и за рубежом, но прежде всего соблазн, возникавший перед человеком, оперировавшим крупными суммами денег из сомнительных источников, зная, что его дни в Цирке сочтены. Впрочем, и те и другие сходились во мнении, что если Алек в самом деле запустил лапу в горшок с медом, то человек он конченный. Теперь ему никто не подыщет другое теплое местечко, как было принято, и рекомендаций он не получит или получит такие, от которых холодный пот прошибет любого возможного работодателя. Казнокрадство принадлежало к числу грехов, за которые не было прощения. И человек, посмеявшийся обокрасть Цирк, даже в могилу ложился с клеймом вечного проклятия, а на похороны контора не то что венка бы не прислала — не оплатила бы даже саван для покойника.

Недели две после исчезновения Лимаса, быть может, всего несколько человек гадали, куда он подевался. Но к тому времени многие бывшие приятели уже старались держаться от него подальше. Он превратился в зануду и всякий разговор сводил к нападкам на Цирк, а паче всего – на руководство, которое называл не иначе как «цирковыми наездниками», управлявшими разведкой так, словно это был их личный полковой клуб. При этом он никогда не упускал случая критически отозваться об американцах вообще и о ЦРУ в частности. Казалось, Лимас ненавидел заокеанских союзников даже больше, чем Абтайлунг, о котором он упоминать не любил вообще. У него проскальзывали намеки, что именно американцы скомпрометировали его агентурную сеть. Это превратилось в своего рода навязчивую идею. Причем все попытки разубедить его оказывались тщетными. Встречи с ним превратились в мучительную пытку, и даже лучшие друзья, которые не только хорошо знали Лимаса, но и, можно сказать, любили его, постепенно от него отделились. Вот почему уход Лимаса вызвал лишь легкую рябь на поверхности воды: подули новые ветры, сменилось время года, и скоро о нем забыли.

Лимас жил в крохотной и сильно запущенной квартирке с коричневыми стенами, украшенными пейзажами Кловелли⁸. Из нее открывался вид на задние дворы трех серых каменных складских зданий, окна которых, видимо из соображений эстетики, густо замазали креозотом. Поверх одного из складов обитала семья итальянских иммигрантов, бесконечно ссорившихся по ночам, а по утрам непременно принимавшихся выбивать ковры. Способов сделать свое жилье чуть более уютным у Лимаса было немного. Он смог лишь купить абажуры, чтобы прикрыть ими голые лампочки, и две пары простыней на замену тем полотнищам дерюги, которые ему выдал вместо постельного белья домовладелец. Остальное Лимасу приходилось просто терпеть: неподшитые шторы в цветочек, потертые коричневые ковры и грубую потемневшую мебель, словно переехавшую сюда из общежития для моряков. Из крана над желтой потрескавшейся раковиной за шиллинг можно было извлечь горячую воду.

Лимас нуждался в работе. Денег не было. Не было совсем. Так что, по всей вероятности, история с неудавшимся хищением оказалась правдой. В отделе кадров ему все-таки подобрали несколько альтернативных мест работы, но Лимасу они показались слишком низкооплачиваемыми или до смешного не подходящими именно для него. Сначала он попробовал себя на производстве. Фирма, выпускавшая промышленные клеи, приняла его на должность помощника менеджера по кадрам – их не смутила весьма двусмысленная рекомендация, полученная им в Цирке. Работа не требовала специальной подготовки, а зарплата составила шесть сотен в год. Продержался он ровно неделю, к концу которой мерзкая вонь гнилого рыбьего жира насквозь пропитала его одежду и волосы, забив ему ноздри, как запах мертвечины. Никаким мылом отмыться от нее оказалось невозможно, и кончилось тем, что Лимасу пришлось постричь свои и без того короткие волосы почти наголо и выбросить два лучших костюма. Еще неделю он провел в попытках продавать энциклопедии домохозяйкам из пригородов, но слишком очевидно не принадлежал к тому типу мужчин, который домохозяйкам нравился или хотя бы был понятен: они с порога отвергали Лимаса вместе с его энциклопедиями. Вечер за вечером он усталый возвращался в свою квартирку с образом под мышкой и в конце недели позвонил в фирму и сообщил, что не сумел ничего продать. Там нисколько не удивились, напомнили только, что он обязан вернуть выданный ему демонстрационный экземпляр, если он прекращает работать на них, и отключились. Лимас выскочил из телефонной будки в такой ярости, что забыл там энциклопедию, дошел до ближайшего паба и напился вдрызг, на что потратил двадцать пять шиллингов, чего не мог себе

⁸ Живописный английский рыбацкий городок на берегу Атлантического океана.

позволить. А потом его еще и вышвырнули на улицу, когда он наорал на проститутку, пытавшуюся его снять. Это сопровождалось жестким напутствием никогда больше не появляться в заведении, но уже через неделю ему все простили, и скоро он стал там своим.

Постепенно Лимас сделался известной личностью в округе – серая шаркающая фигура из района многоквартирных домов. Все знали: из него слова лишнего не вытянешь, а друзей ни среди мужчин, ни среди женщин у него нет. Не завел он даже собаки. Окружающие догадывались, что у него какие-то проблемы. Не иначе как муж, сбежавший от семьи и алиментов. Он ни на что не знал цен и не запоминал, когда их ему называли. Охлопывал все карманы в поисках мелочи и вечно забывал взять с собой в магазин корзинку, а потому ему всякий раз приходилось тратиться на покупку пакета. Обитателям улицы он не нравился, но они почти готовы были пожалеть его. Он ходил неряшливый, в грязных рубашках, небритый даже по воскресеньям.

Некая миссис Маккэйрд с Садбери-авеню подрядилась заниматься уборкой его квартиры, но, не услышав за неделю ни одного доброго слова, отказалась от неблагодарного труда. Она стала важным источником информации для улицы, где торговцы хотели узнать о нем побольше на случай, если он попросит отпустить товар в кредит. Миссис Маккэйрд верить ему в кредит не советовала. Лимас за все время не получил ни одного письма, и все согласились с ней, что дела его, стало быть, совсем плохи. Она не видела у него ни одной фотографии, лишь несколько книг. Ей показалось, что одна из книжек была грязного содержания, хотя она не могла проверить это, поскольку не владела иностранными языками. По ее мнению, у него еще пока водились какие-то деньги на жизнь, но они подходили к концу. Как она выяснила, по четвергам он получал пособие по безработице. Обитатели Бэйсуотера, таким образом, были предупреждены и держались настороже. От той же миссис Маккэйрд стало известно, что он пьет, как извозчик: это подтверждал и владелец паба. Бармены и уборщицы, как известно, в кредит не обслуживают, зато те, кто кредиты иногда предоставляет, ценят их знание клиентуры на вес золота.

4. Лиз

Наконец он согласился попробовать поработать в библиотеке. На бирже труда ему подсовывали это место каждый раз, когда в четверг утром он являлся за пособием, но он упрямо отказывался.

– Может, это и не ваше призвание, – в очередной раз сказал ему мистер Питт, – но платят неплохо, а работа несложная для грамотного человека.

– Что это за библиотека? – поинтересовался Лимас.

– Бэйсуотерская библиотека литературы по паранормальным явлениям. Она создавалась на частные пожертвования. У них и так были тысячи томов, а недавно они получили в дар еще целую кучу. Вот почему им понадобился дополнительный работник.

Он взял пособие и бумажку с адресом.

– Публика там несколько необычная, – добавил мистер Питт, – но ведь и вы нигде надолго не задерживаетесь, так? Мне кажется, стоит попробовать.

Станный он был, этот Питт. Лимаса не покидала уверенность, что они встречались раньше. А если точнее, то в Цирке во время войны.

Внутри библиотека оказалась похожей на церковь и такой же холодной. От двух черных масляных обогревателей, стоявших вдоль стен, густо несло керосином. В центре зала находилась кабинка, похожая на место для свидетелей в суде, внутри нее сидела мисс Крэйл, библиотекарь.

Лимасу как-то и в голову не пришло, что работать ему предстоит под началом у женщины. На бирже труда никто его об этом не предупредил.

– Я – ваш новый помощник, – сказал он. – Моя фамилия Лимас.

Мисс Крэйл так резко вскинула голову, оторвав свое внимание от коробки с карточками, словно при ней кто-то только что грубо выругался.

– Помощник? Что значит помощник?

– Работник. С биржи труда. От мистера Питта. – Он положил перед ней отпечатанный на ротаторе бланк, куда косым почерком были внесены его данные.

Она взяла его и долго изучала.

– Вас зовут мистер Лимас. – Это не было вопросом, а как будто началом детального выяснения фактов. – И вы представитель биржи труда.

– Нет. Биржа труда только направила меня к вам. Они сказали, что вам нужен работник.

– Понятно. – На ее лице появилась деревянная улыбка.

В этот момент зазвонил телефон, она сняла трубку и начала с кем-то яростно спорить. Лимас догадался, что это была давняя размолвка, поскольку никаких предисловий не потребовалось. Она чуть повысила голос и стала говорить о каких-то билетах на концерт. Послушав минуту или две, Лимас оставил ее и пошел вдоль книжных полок. В одной из ниш он заметил девушку, стоявшую на стремянке и переставлявшую с места на место солидных размеров фолианты.

– Я – ваш новенький, – сказал он. – Моя фамилия Лимас.

Девушка спустилась с лестницы и пожала ему руку, пожалуй, немного формально.

– А я – Лиз Голд. Будем знакомы. Вы уже виделись с мисс Крэйл?

– Да, но она сейчас разговаривает по телефону.

– Наверняка спорит со своей матушкой. Чем вы будете заниматься?

– Пока не знаю. Работать.

– Сейчас мы как раз проводим инвентаризацию: мисс Крэйл завела новую картотеку.

Девушка была высокого роста, немного нескладная, с высокой талией и длинными ногами. На ней были туфли на тонкой плоской подошве, как у балетных пуантов, видимо,

ей хотелось казаться хоть немного ниже. Подобно телу, ее лицо тоже состояло из крупных деталей и словно еще не решило, стать ему заурядным или красивым. Лимас дал ей на вид года двадцать два или двадцать три. Еврейка.

– Нам просто надо проверить, все ли книги в наличии на полках. А вот это формуляр. Когда вы находите нужную книгу, то карандашом надписываете формуляр и делаете отметку в инвентарном списке.

– А что потом?

– Только самой мисс Крэйл дозволено обвести карандашную запись чернилами. Таково правило.

– Чье правило?

– Его установила мисс Крэйл. Почему бы вам не начать с раздела археологии?

Лимас кивнул, и они вдвоем перешли к следующей нише, где на полу перед полками стояла обувная коробка с карточками.

– Вы занимались раньше чем-нибудь подобным? – спросила она.

– Нет. – Он наклонился, вынул из коробки пачку карточек и стал перебирать их. – Меня прислал мистер Питт с биржи труда. – Лимас положил карточки на прежнее место и спросил:

– А заполнять чернилами карточки тоже разрешено только мисс Крэйл?

– Да.

Лиз оставила его одного. После минутного колебания он взял с полки книгу. Она называлась «Археологические открытия в Малой Азии». Том четвертый. Другие тома, похоже, отсутствовали.

Около часа дня Лимас проголодался. Он вернулся туда, где сортировала книги Лиз, и спросил:

– Как тут у вас обстоит с обедом?

– О, я всегда приношу с собой сандвичи. – Она слегка смутилась. – Могу с вами поделиться, если не возражаете. Здесь ни одного кафе на несколько миль кругом.

– Нет, спасибо, я пойду прогуляюсь. Нужно купить кое-что.

Она смотрела ему вслед, когда он выходил через вращавшиеся двери.

Вернулся он только в половине третьего. От него пахло виски. В одном магазинном пакете у него лежали овощи, в другом – разного рода бакалея. Он поставил пакеты в угол ниши и неспешно вернулся к изданиям по археологии. Он делал записи в формулярах минут десять, когда почувствовал, что за ним наблюдает мисс Крэйл.

– Мистер Лимас!

Он стоял на средней ступеньке стремянки, и ему пришлось посмотреть на нее через плечо сверху вниз.

– Слушаю вас.

– Вы не знаете, откуда здесь взялись эти пакеты?

– Они мои.

– Ясно. Стало быть, ваши.

Лимасу оставалось лишь ждать продолжения.

– Что ж, весьма сожалею, но должна уведомить вас, что у нас запрещено приносить в библиотеку продукты из магазинов, – сказала она после паузы.

– А где еще я мог их оставить? Я просто не мог пристроить их где-то в другом месте.

– Где угодно, но не в библиотеке, – отрезала она.

Лимас пропустил ее слова мимо ушей и снова занялся разбором археологического раздела.

– Если бы вы использовали только обычное время, отведенное на обеденный перерыв, – продолжала мисс Крэйл, – у вас не было бы возможности делать покупки. Никто из нас так не поступает: ни я, ни мисс Голд. У нас нет времени ходить по магазинам.

– Так почему бы вам не добавить к обеду лишние полчаса? – спросил Лимас. – Тогда времени хватило бы на все. А если работы слишком много, можно на те же полчаса задержаться вечером. Чтобы наверстать.

Какое-то время она оставалась стоять, глядя на него и явно обдумывая ответ. Наконец объявила:

– Я обсужу этот вопрос с мистером Айронсайдом, – и вернулась за свою конторку.

Ровно в половине шестого мисс Крэйл надела пальто и, выкрикнув: «До завтра, мисс Голд!» – ушла.

Как понял Лимас, пакеты с продуктами не давали ей покоя всю вторую половину дня. Он прошел в соседнюю нишу, где Лиз Голд сидела на нижней ступеньке лестницы и читала что-то вроде брошюры. Заметив Лимаса, она с виноватым видом сунула ее к себе в сумочку и встала.

– Кто такой мистер Айронсайд? – спросил Лимас.

– У меня такое ощущение, что его не существует в природе, – ответила она. – Это придуманный мисс Крэйл большой начальник, которым она начинает грозить, если не справляется с проблемой сама. Я однажды тоже поинтересовалась, кто он такой. Она начала нервничать, напускать тумана, а потом сказала: «Вам это знать не обязательно». Так что я не верю в его реальность.

– Мне показалось, что в нее не верит и сама мисс Крэйл, – заметил Лимас, заставив Лиз Голд улыбнуться.

В шесть часов она заперла библиотеку и отдала ключ ночному сторожу – очень дряхлому старику, которого контузило еще в Первую мировую войну. По словам Лиз, он добросовестно бодрствовал все ночи, но только из опасения, что немцы могут перейти в контратаку. На улице стоял жесточайший холод.

– Вам далеко отсюда? – спросил Лимас.

– Двадцать минут. Я всегда хожу пешком. А вам?

– Еще ближе, – ответил Лимас. – Доброй ночи. – И он медленно побрел в сторону своего дома.

Войдя в квартиру, Лимас попытался включить свет, но не вышло. Он попробовал выключатель в кухне, а потом электрический камин, стоявший рядом с постелью. На коврике у двери лежал конверт, Лимас подобрал его и вынес под свет тусклой желтой лампы лестничной клетки. Письмо было от местного менеджера электрической компании, который страшно сожалел, но был вынужден отключить энергоснабжение, пока жилец не уплатит причитающийся с него долг в сумме девяти фунтов четырех шиллингов и восьми пенсов.

Для мисс Крэйл он стал врагом, а иметь врагов мисс Крэйл очень нравилось. Она либо бросала на него злые взгляды, либо вообще не обращала внимания, но, стоило ему приблизиться, начинала дрожать, оглядываясь по сторонам, словно искала какой-то предмет как оружие для защиты или просчитывала путь побега. Временами она страшно обижалась на него. Так происходило, например, всякий раз, когда он вешал свое пальто на ее крючок, и тогда она могла стоять перед ним и трястись от возбуждения минут пять, пока Лиз не обращала на это внимания и не звала Лимаса.

Тот подходил и спрашивал:

– Вас что-то беспокоит, мисс Крэйл?

– Ничего, ровным счетом ничего, – отвечала она напряженным голосом, тяжело дыша.

– Что-то не так с моим пальто?

– С ним все в порядке.

– Хорошо. – Он пожимал плечами и возвращался к своей работе.

Но после этого она пребывала в нервном состоянии весь день и половину утра общалась с кем-то по телефону театральным шепотом.

– Это она со своей матерью, – объяснила Лиз. – Маме она рассказывает обо всем. Обо мне тоже.

Ненависть мисс Крэйл к Лимасу постепенно достигла такого накала, что ей стало трудно даже разговаривать с ним. В день зарплаты он возвращался после обеда и всегда находил на третьей ступеньке стремянки конверт со своей фамилией, написанной с ошибками. Когда это случилось впервые, он подошел к ней, держа в руках деньги и конверт, чтобы сказать:

– Моя фамилия пишется через «и», мисс Крэйл, и в ней только одно «с».

От испуга ее сначала чуть не разбил паралич, а потом она принялась бесцельно крутить в пальцах карандаш, дожидаясь, пока Лимас оставит ее. Затем она больше часа провисела на телефоне.

Примерно через три недели после того, как Лимас начал работать в библиотеке, Лиз пригласила его к себе на ужин. Она сделала вид, что эта мысль пришла ей в голову совершенно внезапно в пять часов вечера: похоже, она сразу поняла, что, если пригласить его на завтра или послезавтра, он может забыть об этом или просто не прийти, и потому пригласила на пять того же вечера. Лимасу сначала откровенно не понравилась ее идея, но в итоге он все же согласился.

Они шли в сторону ее дома под дождем, и в этот момент, казалось, могли быть в любом городе – Берлине, Лондоне, – в любом, где плитки тротуаров под вечерним дождем превращались в подсвеченные водные дорожки, а машины издавали шинами унылое хлюпающее шуршание по промокшим мостовым.

Лимас потом часто приходил поест к ней домой. Приходил каждый раз, когда она приглашала, а приглашала она его постоянно. При этом он почти все время молчал. Но стоило у нее появиться уверенности, что он примет очередное приглашение, как она приобрела привычку заранее накрывать на стол еще утром перед уходом на работу. Она успевала даже приготовить овощи и расставить на столе подсвечники, потому что сама обожала свечи. Лиз сразу заметила, что в жизни Лимаса что-то очень неправильно, и догадывалась, что однажды, по причинам, которых она никогда не поймет, он разорвет знакомство с ней и она никогда его больше не увидит. И она старалась объяснить ему свою готовность ко всему. Однажды вечером так и сказала:

– Ты уйдешь, когда сам этого захочешь. Я не стану искать тебя, Алек.

Его карие глаза несколько секунд пристально смотрели на нее.

– Хорошо, я предупрежу тебя заранее, – ответил он.

Ее квартира состояла всего из одной комнаты – гостиной, одновременно служившей спальней, – и кухни. В комнате стояли два кресла, диван-кровать и книжный шкаф, набитый дешевыми изданиями классики в мягких обложках, которую она никогда не читала.

После ужина Лиз обычно пыталась поговорить с ним, а он лежал на диване и курил. Она никогда не понимала, слышит ли он ее вообще, и не обращала на это особого внимания. Порой она опускалась на колени рядом с диваном, прижимала его руку к своей щеке, не переставая говорить.

Но однажды вечером Лиз очень серьезно спросила:

– Во что ты веришь, Алек? Пожалуйста, не смейся надо мной. Ответь.

Она ждала, и через какое-то время он ответил:

– Я верю, что автобус одиннадцатого маршрута доставит меня в Хаммерсмит. Но не верю, что за его рулем будет сидеть Санта-Клаус.

Даже такой ответ она попыталась обдумать, а потом спросила еще раз:

– Во что ты веришь?

Лимас пожал плечами.

– Но ты же должен во что-то верить, – упорствовала она. – Хотя бы в Бога. Я ведь знаю, что в тебе есть вера, Алек. Порой я смотрю на тебя, и ты выглядишь так, словно на тебе лежит какая-то особая миссия, как на жреце божества. Не надо усмехаться, Алек. Ведь это правда.

Он помотал головой.

– Прости, Лиз, но ты все вывернула наизнанку. Я не люблю американцев и частные школы. Я не люблю военных парадов и людей, которые платят большие деньги солдатам. – И уже без тени улыбки он добавил: – И очень не люблю разговоров по душам.

– Но тогда, Алек, с таким же успехом ты мог бы утверждать...

– Мне следовало добавить, – перебил Лимас, – что больше всего я не люблю тех, кто указывает мне, о чем мне следует думать.

Она понимала: он уже начинает закипать, но остановиться была не в силах.

– Это потому, что ты не хочешь ни о чем думать, не осмеливаешься задуматься о серьезных вещах! В твоем сознании разлит яд, оно полно ненависти. Ты – фанатик, Алек. Я только пока не поняла, что служит предметом твоего фанатизма. Ты относишься к числу тех редких фанатиков, которые не стремятся никого обратить в свою веру, и это самое опасное, что я ощущаю в тебе. Ты похож... Ты словно дал клятву отомстить кому-то.

Карие глаза пристально смотрели на нее. Когда он заговорил, ее привел в ужас его зловещий тон.

– На твоем месте, – произнес он предельно грубо, – я бы не совал нос в чужие дела.

Но затем он лукаво улыбнулся, как не улыбался никогда прежде, и Лиз поняла: он пытается спасти ситуацию, пустив в ход свое обаяние.

– А во что верит сама наша очаровательная Лиз? – спросил он, и она с горечью бросила:

– Ты, как я вижу, Алек, считаешь меня совсем дурочкой, от которой можно легко отмахнуться?

Позже тем же вечером они вернулись к этой теме. На этот раз первым ее затронул Лимас, спросив Лиз, религиозна ли она.

– Ты меня неправильно понял, – сказала она. – Все не так. В Бога я не верю.

– Тогда во что же?

– В историю.

Он несколько мгновений смотрел на нее в полнейшем изумлении, прежде чем расхохотался:

– О, Лиз... Нет... Этого не может быть. Неужели ты чертова коммунистка?

Она кивнула, покраснев, как сопливая девчонка, разозлившись на его смех, но с облегчением поняв, что он не придает этому значения.

В ту ночь она уговорила его остаться у нее, и они стали любовниками. Но в пять утра он неожиданно поднялся и ушел. Ей это казалось непостижимым: она была счастлива, а он как будто устыдился чего-то.

Он вышел из подъезда ее дома и, свернув, пошел вдоль пустынной улицы в сторону парка. Над городом висел туман. Ярдах в двадцати или чуть дальше виднелась фигура мужчины в плаще, низкорослого, несколько полноватого. Он уперся спиной в металлическую ограду парка, и его силуэт то четко вырисовывался, то наполовину растворялся в тумане. Когда Лимас подошел ближе, туман вдруг сгустился, полностью поглотив фигуру в плаще. А когда рассеялся, там уже никого не было.

5. Кредит

А потом в один из дней неделю спустя Лимас не появился в библиотеке. Мисс Крэйл была в восторге. К половине двенадцатого она уже доложила о знаменательном событии матушке, а вернувшись после обеда, надолго замерла перед полками археологического раздела, где он работал с первого дня. Она подчеркнуто внимательно сканировала взглядом ряды книг, и Лиз поняла: мисс Крэйл демонстративно проверяет, не украл ли Лимас чего-нибудь.

Остаток дня Лиз полностью игнорировала начальницу, даже не отвечая порой на ее прямые вопросы и целиком сконцентрировавшись на своей работе. Вечером она добрела до дома и заснула, только когда у нее больше не осталось слез.

На следующее утро она пришла в библиотеку необычайно рано. У нее возникла беспочвенная надежда, что чем раньше она там появится, тем скорее сможет снова увидеть Лимаса. Однако уже через несколько часов ее иллюзии рассеялись. Она поняла: он больше никогда не переступит порога библиотеки. В тот день она забыла приготовить себе на обед сэндвичи, а потому решила автобусом добраться до Бэйсуотер-роуд и поесть в закусочной. Она чувствовала себя больной и опустошенной, но не голодной. Может, попробовать найти его? Она обещала не следовать за ним, но ведь и он сказал, что непременно предупредит ее. Так искать или нет?

Лиз поймала такси и назвала его адрес.

Поднявшись по грязной лестнице, она нажала кнопку звонка. Тот, по всей видимости, не работал: до нее не донеслось ни звука. На полке стояли три бутылки молока, рядом лежало письмо из электрической компании. После минутного колебания она громко постучала в дверь и расслышала в ответ едва уловимый стон. Лиз бросилась вниз по лестнице и принялась звонить и стучать в квартиру этажом ниже. Не дождавшись, пока ей откроют, сбежала еще на этаж и оказалась в подсобном помещении продуктовой лавки. В самом углу сидела старуха, покачиваясь в кресле.

– Квартира наверху, – почти прокричала Лиз. – Там очень сильно заболел человек. У кого есть ключ?

Старушка несколько секунд разглядывала ее, а потом крикнула в сторону передней части дома, где располагался магазин.

– Артур, иди сюда! Здесь какая-то девушка!

В проем двери заглянул мужчина в коричневом рабочем халате, но в шляпе.

– Что за девушка?

– Там наверху кто-то серьезно заболел, – объяснила Лиз, – и не может сам открыть дверь. У вас нет ключа?

– Нет, – ответил мужчина, – но у меня есть тяжелый молоток.

И они поспешили наверх. Бакалейщик, так и не снявший модной шляпы, прихватил с собой отвертку и молоток, похожий на кувалду. Он звучно постучал, и они, затаив дыхание, стали ждать отзыва. Но ничего не услышали.

– Там раздался стон, когда я постучала в первый раз. Клянусь, это правда, – прошептала Лиз.

– Вы заплатите за ремонт двери, если я ее высажу?

– Да.

Он с ужасающим грохотом принялся работать молотком. Но ему хватило всего трех сильных ударов, чтобы выбить ту часть двери, где располагался замок. Лиз вошла первой,

торговец последовал за ней. В комнате стоял ледяной холод и царил почти полный мрак, но на кровати в углу они разглядели фигуру мужчины.

«Боже милостивый! – подумала Лиз. – Если он мертв, у меня может не хватить смелости прикоснуться к нему».

Но, подойдя ближе, она убедилась, что Лимас жив. Открыв шторы, Лиз опустилась на колени рядом с постелью.

– Я позову, если мне понадобится помощь. Спасибо вам, – сказала она, не оглядываясь.

Бакалейщик только кивнул и спустился в лавку.

– Алек, что с тобой? Ты болен? Что с тобой?

Лимас повернул голову на подушке. Его запавшие глаза оставались закрытыми. Черная борода резким контрастом выделялась на бледном лице.

– Алек, не молчи. Ты должен сказать мне. Пожалуйста!

Она зажала его руку между ладонями. Слезы бежали по ее щекам. В отчаянии она не сразу сообразила, что ей делать, потом вскочила на ноги, бросилась в кухню и поставила чайник на газ. Она пока не слишком ясно представляла, как действовать дальше, но ей приносила облегчение возможность делать хоть что-нибудь. Оставив чайник на огне, она взяла свою сумочку, схватила ключ от квартиры Лимаса со стола у кровати, быстро снова спустилась на четыре пролета лестницы и перебежала через дорогу к аптеке мистера Слимана. Она купила желе, сваренное на телячьих ножках, бульонных кубиков и склянку с аспирином. Кинулась было назад, но вернулась и попросила еще и пакет гренков. Все это обошлось ей в шестнадцать шиллингов, после чего у нее осталось четыре шиллинга в кошельке и одиннадцать фунтов на счету, но ничего из этих денег она не смогла бы теперь снять до завтра. К моменту ее возвращения чайник как раз закипел.

Она приготовила мясной бульон, как делала когда-то ее мама: в стакане, куда опустила ложку, чтобы он не треснул. При этом она непрерывно посматривала на Алека, все еще опасаясь, что он может умереть.

Потом Лиз помогла ему лечь повыше на кровати, чтобы он смог выпить бульон. У него была всего одна подушка, и ей пришлось снять с вешалки у двери плащ, чтобы свернуть его и подложить ему под спину. Ей все же было страшновато прикасаться к нему: он настолько пропитался потом, что его чуть отросшие короткие волосы стали влажными и скользкими на ощупь. Поставив стакан рядом с постелью, она одной рукой приподняла ему голову, а другой стала поить. Когда Лимас с трудом сделал несколько глотков, Лиз измельчила две таблетки аспирина и смешала лекарство с очередной ложкой бульона. Она разговаривала с ним, как с ребенком, сидя на краю постели, глядя на него, уже без тени страха ощущая пальцами его голову и лицо, раз за разом шепотом повторяя его имя:

– Алек, Алек...

Постепенно его дыхание стало более глубоким и ровным, мышцы расслабились, а лихорадочное метание сменилось покоем сна. Наблюдавшая за ним Лиз почувствовала, что худшее позади. И только теперь до нее внезапно дошло, что за окном успело почти совсем стемнеть.

А потом ей стало стыдно за себя: ей, конечно же, следовало навести здесь хоть какой-то порядок. Лиз вскочила, нашла в кухне веник и тряпку и взялась за дело со всей своей молодой энергией. Обнаружив среди его вещей чистое посудное полотенце, она аккуратно растелила его вместо скатерти на прикроватном столике, перемыла посуду, поставив ее рядом с раковиной для просушки. Когда с работой было покончено, она посмотрела на часы и увидела, что уже половина девятого. Снова поставив чайник, вернулась к постели. Лимас смотрел на нее.

– Не сердись на меня, пожалуйста, Алек, – сказала она. – Я уйду. Обещаю, что непременно уйду, только позволь мне нормально покормить тебя. Ты болен, ты не можешь пока оставаться один... О, Алек!

Что-то в ней надломилось, и она разразилась слезами. Она прикрыла лицо ладонями, но слезы упрямо просачивались между пальцами, как это бывает у детей. И он позволил ей выплакаться, не сводя с нее своих карих глаз и вцепившись обеими руками в край простыни.

Лиз помогла ему умыться и побриться, нашла чистую смену постельных принадлежностей. Потом накормила телячьим желе и консервированными куриными грудками, тоже купленными у мистера Слимана. Сидя на постели и глядя, как он ест, она подумала, что никогда прежде не испытывала такого счастья.

Вскоре Лимас снова заснул. Лиз укрыла его одеялом до плеч и подошла к окну. Раздвинув ветхие шторы и приподняв раму, высунулась наружу. Светились еще два окна из тех, что выходили во двор. В одном из них мерцал голубыми отблесками экран телевизора, и фигуры сидевших перед ним людей оставались замороженно неподвижными; в другом сравнительно молодая женщина накручивала волосы на бигуди. Глядя на жалкую жизнь этих людей, Лиз снова захотелось плакать.

Она заснула, сидя в кресле, а проснулась, когда уже почти рассвело, чувствуя холод и онемение во всем теле. Лиз подошла к кровати. Лимас заворочался, стоило ей посмотреть на него, и она приложила кончик пальца к его губам. Глаз он не открыл, но взял ее за руку и осторожно притянул к себе на постель, а она вдруг почувствовала, как хочет его. Ничто больше не имело значения. Она стала целовать его снова и снова, а когда в следующий раз встретилась с ним взглядами, ей показалось, что он улыбался.

Лиз приходила к нему шесть дней подряд. Он почти не разговаривал с ней, а в ответ на вопрос, любит ли он ее, ответил, что не верит в сказки. Она ложилась рядом с ним на кровать, клала голову ему на грудь, и порой он запускал свои плотные и сильные пальцы ей в волосы, крепко сжимая их в кулаке, и Лиз со смехом просила не делать ей больно. В пятницу вечером она застала его полностью одетым, но небритым и удивилась, почему он не побрился. Ее терзала необъяснимая тревога. Из комнаты стали пропадать мелкие вещицы – сначала часы, потом дешевый переносной транзисторный приемник, всегда прежде стоявший на столе. Лиз хотела спросить его об этом, но не осмелилась. Она купила яиц, ветчины и приготовила ужин на двоих, пока Лимас сидел на кровати и курил сигареты одну за другой. Когда у нее все было готово, он пошел на кухню и вернулся с бутылкой красного вина.

За едой он не проронил ни слова, а ее страх все возрастал, пока не стал нестерпимым, и она вдруг не выдержала:

– Алек... О, Алек... Что это? Так мы с тобой прощаемся?

Он встал из-за стола, взял ее за руки, стал целовать так, как не целовал никогда прежде, и долго о чем-то ей говорил, тихо и нежно, рассказывал ей что-то, чего она почти не понимала и едва ли вообще слышала, потому что чувствовала – это конец, а остальное не имело значения.

– Да, прощай, Лиз, – сказал он. – Прощай. – И добавил: – Только никогда не ищи меня больше. Не надо.

Лиз кивнула и с трудом произнесла:

– Хорошо, ведь мы же договорились.

На улице она была только рада обжигавшему лицо холоду и темноте, помогавшей скрыть слезы.

Уже на следующее утро в субботу Лимас попросил мистера Форда, лавочника, о кредите. Причем сделал он это безыскусно, не приложив ни малейших стараний, чтобы его просьба увенчалась успехом. Он заказал с полдюжины разных продуктов питания – их общая стоимость едва ли превышала фунт, – а когда все это было приготовлено и уложено в пакет с ручками, сказал:

– Пришлите мне счет на квартиру.

Лавочник криво усмехнулся и ответил:

– Боюсь, не могу пойти на это. – Уважительное обращение «сэр» слишком явно не прозвучало в его словах.

– Почему, черт побери? – громко спросил Лимас, и небольшая очередь, возникшая позади него, заволновалась.

– Я вас не знаю, – заявил бакалейщик.

– Не стройте из себя идиота, – возразил Лимас. – Я хожу к вам уже четыре месяца.

Щеки торговца побагровели.

– Мы не отпускаем товары в кредит, не проверив платежеспособность клиента у его банкира, – сказал он, и тут Лимас сорвался на крик.

– Вы несете полную чушь! – заорал он. – Половина ваших покупателей ни разу вообще не бывала в банке. Они даже не знают, что это такое.

Такое оскорбление снести было особенно трудно, потому что оно полностью соответствовало действительности.

– Я вас не знаю, – повторил торговец еще более грубо, – и вы мне не нравитесь. Так что выметайтесь из моего магазина.

Он попытался выхватить сумку, которую Лимас, к несчастью, уже держал в руках. О случившемся потом рассказывали по-разному. Одни говорили, что в попытке завладеть пакетом лавочник толкнул Лимаса, другие оспаривали это. Но как бы то ни было, Лимас ударил его, по свидетельству очевидцев, дважды, причем ему даже не понадобилась для этого правая рука, в которой он все еще сжимал пакет. Бил он не кулаком, ребром левой ладони, а потом феноменально быстрым движением пустил в ход локоть. И торговец повалился на пол, не подавая признаков жизни. Позже в суде было заявлено, и защита не могла оспорить этих фактов, что бакалейщик получил два основных повреждения – перелом лицевой кости от первого удара и вывих нижней челюсти от второго. Инцидент не остался незамеченным ежедневной прессой, но привлек не слишком много внимания со стороны репортеров.

6. Контакт

По ночам он лежал на своей шконке, вслушиваясь в звуки, издаваемые другими заключенными. Там был совсем еще юнец, который часто тихо плакал, а еще пожилой тюремный старожил, который любил распевать «Знавал я однажды девчонку из паба», отбивая ритм на своей жестяной миске. Охранник орал на него после каждого куплета:

– Затыкай, Джордж, нанюхались твоего дерьма!

Но на него никто не обращал внимания. Какой-то ирландец то и дело затягивал воинственные гимны Ирландской республиканской армии, хотя все знали, что посадили его за изнасилование.

В течение дня Лимас изнурял себя физическими упражнениями в надежде, что это поможет лучше спать, но толка не выходило никакого. Ночью некуда было деться от постоянного ощущения тюремной изоляции. Не оставалось ничего, пусть самого иллюзорного, что помогло бы отвлечься и хотя бы ненадолго избавиться от тошнотворной клаустрофобии камеры. Вкус тюремной жизни заполнял его целиком: специфический запах робы, острая вонь дешевых дезинфицирующих средств, которые обильно использовались тюремщиками. И звуки. Звуки, исходившие от таких же пленников. Именно по ночам униженное положение заключенного становилось поистине невыносимым, по ночам Лимасу больше всего хотелось оказаться на залитой солнцем аллее одного из лондонских парков. По ночам он особенно ненавидел стальную клетку, в которой оказался, и приходилось сдерживать мощный внутренний порыв голыми руками раздвинуть прутья, раскроить черепа всем, кто держал его в неволе, и вырваться на свободу, на простор лондонских улиц. Иногда он думал о Лиз. Но позволял своим мыслям обращаться к ней лишь на короткие мгновения, подобные щелчку затвора фотоаппарата, вспоминал ощущение от прикосновения к ее крепкому телу и тут же переключался на что-нибудь другое. Лимас не привык жить воспоминаниями и мечтами.

Своих сокамерников он презирал, а они его ненавидели. Прежде всего за то, что ему удавалось оставаться тем, чем в глубине души хотел бы быть каждый из них: человеком-загадкой. Он тщательно охранял от любопытствующих значительную часть своей личности; его не удавалось поймать в момент грусти и заставить пуститься в сентиментальный рассказ об оставшейся на воле подружке, о семье или детишках. Они ничего о нем не знали; выжидали, но он так ни разу и не разоткровенничался. Новички в тюрьме, как правило, делятся на два типа. Одни, испытывая стыд, страх и шок, со священным трепетом ждут инициации во все обряды и традиции жизни за решеткой. Другие же пытаются воспользоваться самой своей неопытностью, чтобы заискивать и заслужить одобрение тюремного сообщества. Лимас не делал ничего подобного. Казалось, ему нравилось демонстрировать остальным свое пренебрежение, а они ненавидели его еще и потому, что оказались совершенно не нужны ему, как и остальному миру. Они терпели десять дней, а потом перешли к действиям. Вожаки волчьей стаи не получали от него должных знаков почтения и подношений, а мелкая шушера чувствовала себя рядом с ним неудобно. И ему устроили «толкучку» в столовой за ужином. «Толкучка» – это тюремный ритуал, зародившийся еще в восемнадцатом веке и дошедший до наших дней лишь в слегка измененном виде. Его отличие заключается в том, что все происходит словно случайно – миска с едой опрокидывается, и все ее содержимое оказывается у заключенного на робе. Лимаса в очереди обступили со всех сторон. Кто-то подтолкнул его, просунувшаяся сзади рука ударила под локоть, и дело было сделано. Лимас ничего не сказал, лишь внимательно взгляделся в несколько окружавших его лиц, а потом терпеливо выслушал грязную ругань надзирателя в свой адрес, хотя тот прекрасно знал, что случилось в действительности.

Четыре дня спустя, работая тяткой на клумбе в тюремном дворе, он сделал вид, что споткнулся. Тятку он при этом держал двумя руками поперек тела, так что ее острый конец на шесть дюймов высывался из правого кулака. Чуть не упав, он вроде бы старался всего лишь сохранить равновесие, но заключенный, работавший рядом, почему-то вдруг сложился пополам, прижимая руки к животу. Больше попыток устроить ему «толкучку» не было.

Но самым странным из всего тюремного опыта ему совершенно неожиданно показался пакет, обернутый в коричневую бумагу и полученный при выходе на свободу. Ему даже пришло на ум необычное сравнение с брачной традицией: «Это кольцо я надеваю на твой палец, чтобы взять в жены». «Этот бумажный пакет я вручаю тебе, чтобы вернуть в общество». Ему отдали пакет и заставили расписаться в получении, поскольку в упаковке лежала вся его личная собственность. Больше не осталось ничего. Для Лимаса этот момент стал самым унижительным за три месяца, и он преисполнился решимости избавиться от пакета сразу за тюремными воротами.

В целом он не доставил тюремщикам никаких проблем. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, которого тоже слегка заинтриговал этот молчаливый заключенный, ни с кем не делись своим открытием, списал все на ирландскую кровь, которая, как он был убежден, текла в жилах Лимаса.

– Что вы собираетесь делать, когда выйдете отсюда? – спросил как-то он.

Без намека на улыбку Лимас ответил, что хочет начать новую жизнь, и начальник мог только назвать его намерения «весьма похвальными».

– Как у вас с семьей? – поинтересовался он. – Может, удастся снова сойтись с бывшей женой?

– Попытаюсь непременно, – не моргнув глазом, заверил его Лимас. – Правда, она уже успела снова выйти замуж.

Офицер, надзиравший над условно досрочно освобожденными, рекомендовал Лимасу работу санитара в психиатрической больнице Букингемшира, и Лимас согласился подать туда заявление о приеме. Он записал адрес и даже время отправления поездов со станции Мэрилебон.

– Дорогу уже электрифицировали до самого Грейт-Миссендена, – с энтузиазмом сообщил офицер, и Лимас заверил, что его это тоже очень радует.

А потом ему выдали пакет и выпустили за стены тюрьмы. Он автобусом доехал до Мраморной арки, а оттуда пошел пешком. У него оставались кое-какие деньги, и он решил устроить себе хороший обед. Он мысленно проложил себе маршрут от Гайд-парка до Пикадилли, а потом через Зеленый парк и Сент-Джеймский парк к парламентской площади. Потом он пройдет мимо Уайтхолла к Стрэнду, где в большом кафе рядом с вокзалом Чаринг-Кросс можно было получить вполне приличный натуральный бифштекс за шесть шиллингов.

Лондон был сейчас как-то особенно хорош. Весна запоздала, и в парках еще всюсю цвели крокусы и нарциссы. С юга дул прохладный освежающий ветерок; он мог бы гулять в такую погоду весь остаток дня. Но при нем все еще оставался пакет, от которого необходимо было избавиться. Урны для этой цели были маловаты – он будет выглядеть смешно, если попытается запихнуть пакет в одну из них. Он еще подумал, что стоит, быть может, предвзительно кое-что вынуть оттуда – хотя бы документы: страховое свидетельство, водительское удостоверение и форму Е.93 (он понятия не имел, что это такое) в толстом конверте с королевским гербом, – но потом решил плюнуть на все. Он сел на скамейку, положив пакет рядом, но не слишком близко, а потом отодвинулся еще чуть дальше от него. Спустя пару минут он вернулся на аллею парка, оставив пакет на скамейке. Но не успел сделать по аллее и нескольких шагов, как услышал окрик. Обернувшись на голос (чуть поспешнее, чем сле-

довало бы), он увидел мужчину в плаще армейского образца, который делал ему знаки одной рукой, держа в другой его пакет.

Лимас сунул теперь обе руки в карманы и не собирался вынимать их оттуда. Он замер, глядя через плечо на мужчину в плаще. Тот явно растерялся, ожидая, видимо, что Лимас подойдет к нему или проявит хоть какой-то интерес. Но не дождался. Лимас только пожал плечами и двинулся дальше по аллее. До него донесся новый окрик, на который он не обратил внимания, но понял, что мужчина устремился вслед за ним. Он слышал шаги по гравии, ускорившиеся почти до бега и быстро приближавшиеся, а потом уже несколько недовольный голос запыхавшегося человека:

– Эй, послушайте! Я к вам обращаюсь. Подождите!

Когда мужчина в плаще поравнялся с Лимасом, тому пришлось остановиться и снова посмотреть на него.

– В чем дело?

– Это ведь ваш пакет, верно? Вы забыли его на скамейке. Почему вы не вернулись, когда я в первый раз вас окликнул?

Высокий, курчавые темно-русые волосы, оранжевый галстук и бледно-зеленого оттенка рубашка; немного вызывающе, но скорее безвкусно, подумал Лимас. Похож на бывшего учителя, выпускника лондонской школы экономики, который теперь заведует драмкружком. К тому же близорук.

– Вы можете положить его туда, где взяли, – сказал Лимас. – Мне этот пакет не нужен.

Мужчина покраснел.

– Но вы же не имеете права так просто бросаться вещами, – сказал он. – Это получается мусор.

– Еще как имею, – возразил Лимас. – И это не мусор. Кому-нибудь он может пригодиться.

Он хотел пойти дальше, но незнакомец все еще стоял у него на пути, держа пакет в руках, как грудного младенца.

– Не мешайте мне, сделайте милость, – сказал Лимас. – Я должен идти.

– Но послушайте, – не унимался мужчина, даже несколько повысив голос. – Я лишь попытался оказать вам услугу. Зачем же так грубить?

– Если вы только хотели оказать мне услугу, – резко сказал Лимас, – то какого дьявола шли за мной все последние полчаса?

«А он не так уж плох, – подумал Лимас. – Даже не дернулся, хотя внутри, видимо, весь сжался».

– Вы мне показались похожим на одного человека, с которым я встречался в Берлине, вот и все.

– И потому вы полчаса следили за мной? – В голосе Лимаса звучал неприкрытый сарказм, и он ни на секунду не сводил взгляда своих карих глаз с лица собеседника.

– Никакие не полчаса. Я заметил вас только у Мраморной арки, и вы мне показались похожим на Алека Лимаса. Когда-то я занял у него некоторую сумму денег. В то время я работал на Би-би-си в Берлине, и там был этот человек, у которого я брал займы, а денег не вернул. С тех пор меня мучила совесть. Вот почему я пошел за вами. Хотел убедиться, что не обознался.

Лимас продолжал в упор разглядывать его, ничего не говоря и лишь думая: «Нет, он не слишком хорош, но держится молодцом». Придуманная на ходу история шита белыми нитками, но не в этом дело. Лимасу понравилось, как быстро он среагировал, когда не удался такой простой с виду, можно сказать, классический подход.

– Предположим, я действительно Лимас, – сказал он наконец, – а вот вы кто такой, черт возьми?

Незнакомец представился как некий мистер Эйш.

– Пишется через «А», но читается как «Эй», – торопливо добавил он, и Лимас мгновенно понял, что он лжет. Эйш еще некоторое время продолжал притворяться, будто не уверен, что Лимас – это тот самый Лимас, а потому, когда они вместе сели обедать, вскрыл пакет, достал оттуда государственное страховое свидетельство и стал украдкой рассматривать его, как школьник порнографическую открытку (такое сравнение Лимасу показалось удачным). Эйш заказал ужин без должной оглядки на цены, которая не была бы лишней на первый раз, и они пили франкенвейн в память о былом. Лимас настаивал, что совершенно не помнит Эйша, а тот не переставал удивляться этому. В его голосе даже звучало нечто вроде обиды. Они познакомились на вечеринке, напомнил он, которую Дерек Уильямс закатил у себя на Кудамм⁹, и это был правильный адрес, где собралась тогда вся журналистская братия. Ведь такого шумного сборища Алек уж никак не мог забыть? Нет, Лимас ничего подобного не запомнил. Хорошо, но он же был знаком с Дерексом Уильямсом из еженедельника «Обзервер», прекрасным парнем, часто собиравшим к себе гостей на выпивку с пиццей? Нет, у Лимаса вообще была отвратительная память на имена, к тому же речь шла о пятидесяти четвертом годе – с той поры много воды утекло... Странно, потому что Эйш (которого, между прочим, зовут Уильям, а для большинства знакомых он просто Билл) помнил. Эйш все *очень живо* помнил. Они пили стингеры из бренди с мятным ликером, и все изрядно набрались, а потом Дерек привел роскошных девочек, чуть ли не половину кордебалета из кабаре «Малькастен». Алек уж точно запомнил хотя бы их, неужели тоже нет? И Лимасу показалось, что вот теперь он, кажется, начал что-то припоминать, и если Билл расскажет еще какие-то подробности...

Билл готов был продолжать с превеликим удовольствием, импровизируя на ходу, но прекрасно справляясь с этой задачей и подпустив в свой рассказ добрую толику секса: как они потом оказались в ночном клубе с тремя из тех девчонок: Алек, помощник советника по политическим вопросам из посольства и Билл. Как Биллу было неловко, потому что у него не оказалось при себе денег, и за него платил Алек, а когда Биллу захотелось затащить одну из красоток к себе домой, Алек ссудил ему еще десятку...

– Господи! – воскликнул наконец Лимас. – Вот теперь вспомнил. Все так и было.

– Я был уверен, что ты вспомнишь, – довольнo закивал Эйш, глядя поверх бокала. – А теперь давай допьем остальное. Это так забавно!

Эйш принадлежал к тому типу людей, которые строят взаимоотношения с другими, чутко реагируя на их реакции и манеру поведения. Столкнувшись с мягкостью, он становился напористым, встретив отпор – отступал. Не обладая самостоятельностью мышления, не имея собственных идей и вкусов, он подстраивался под настроения и пристрастия компаньона. Он был так же готов пить чай в «Фортнумсе», как и пиво в «Проспекте Уитби»¹⁰, слушать военный оркестр в парке Сент-Джеймс или джаз в подвальчике на Комптон-стрит. Его голос мог исполниться проникновенным сочувствием к жертвам Шарпвилля¹¹, а мог дрожать от возмущения по поводу увеличения процента цветного населения в Великобритании. Лимасу подобная черта характера всегда казалась отталкивающей, ему хотелось издеваться над такими типами. Вот и сейчас он то и дело ставил Эйша в положение, когда тот вынужден был делать откровенные заявления, а сам потом давал задний ход, с наслаждением наблюдая, как Эйшу приходится неуклюже оправдываться, выбираясь из тупиков, в которые его постоянно загонял Лимас. А в тот день Лимас был в ударе и часто вел себя с такими извра-

⁹ Сокращение от Курфюрстендамм.

¹⁰ Знаменитый лондонский паб.

¹¹ Город в Америке, где в 1960 г. полиция устроила массовую бойню среди чернокожих демонстрантов.

щенным нахальством и наглостью, что собеседник с полным правом мог бы возмутиться и уйти – ведь он еще и платил за это, – но Эйш терпел. Низкорослый, грустного вида мужчина в очках, одиноко сидевший за соседним столом и погруженный в чтение руководства по производству подшипников, если бы подслушал их разговор, мог бы решить, что Лимас – садист по натуре. Если же он лучше и тоньше разбирался в людях, то понял бы, что Лимас на самом деле просто получает удовольствие, а заодно убеждается, что только человек с очень сильным внешним побудительным мотивом может покорно сносить подобное отношение к себе.

Около четырех часов они попросили принести счет, и Лимас сделал попытку оплатить свою часть, но Эйш и слышать не хотел об этом. Он сам расплатился с официантом и достал чековую книжку, чтобы вернуть долг Лимасу.

– Двадцать фунтов и ни пенсом меньше. – Он проставил на чеке дату. А потом поднял на Лимаса взгляд, полный любезного участия. – Чек ведь тебя устроит, не так ли?

Чуть покраснев, Лимас ответил:

– Видишь ли, у меня сейчас, как назло, нет счета в банке. Я только что вернулся из зарубежной поездки и еще не успел решить этот вопрос. Поэтому будет лучше, если ты дашь мне чек, который я смогу обналичить в банке, услугами которого пользуешься ты сам.

– Увы, дорогой друг, это никак невозможно! Мой банк так далеко, что тебе придется проходить таможенную, чтобы получить деньги по этому чеку там.

Лимас пожал плечами, но Эйш только рассмеялся и предложил встретиться завтра в том же месте в час дня, чтобы он мог принести наличные.

На углу Комптон-стрит Эйш поймал такси, и Лимас махал вслед машине, пока она не скрылась из вида. Потом посмотрел на часы. Ровно четыре. Он догадывался, что за ним все еще следят, и потому прошелся до Флит-стрит и выпил чашку кофе в кафе «Блэк энд уайт». Прогулялся по книжным магазинам, почитал вечерние газеты, свежие экземпляры которых были выставлены в витринах редакций, а потом совершенно внезапно, словно эта идея осенила его в последний момент, запрыгнул на заднюю площадку проходившего мимо автобуса. Автобус довез его до Ладгейт-хилл, где угодил в пробку рядом со станцией подземки. Он покинул автобус и нырнул в метро. Купив билет за шесть пенсов¹², он расположился в хвосте вагона и сошел уже на следующей станции. Затем сел в поезд до Юстона и оттуда пешком вернулся к Чаринг-Кросс. До вокзала он добрался уже в девять часов вечера, и холод заметно усилился. На грузовом дворе его ждал микроавтобус, водитель которого крепко спал за рулем. Лимас на всякий случай проверил номерной знак, а потом окликнул через стекло:

– Вы от Клементса?

Шофер, вздрогнув, проснулся.

– Мистер Томас?

– Нет, – ответил Лимас. – Томас не смог прийти. Я – Эмис из Хаунслоу.

– Забирайтесь в машину, мистер Эмис, – сказал водитель и открыл дверь.

Они направились на запад в сторону Кингс-роуд. Водитель знал, куда доставить пассажира.

Дверь ему открыл Шеф.

– Джорджа Смайли нет дома, – сказал он, – и я решил воспользоваться его гостеприимством. Входите.

Только когда Лимас вошел в прихожую, а дверь оказалась надежно заперта, Шеф включил свет.

– За мной следили до самого обеда, – заявил Лимас.

¹² Такой билет предполагал поездку на большое расстояние.

Они перешли в небольшую гостиную. Книги здесь были повсюду. Это была приятная на вид комната с высоким потолком и лепниной восемнадцатого века, большими окнами и добротно сложенным камином.

– Он увязался за мной еще с утра. Некто по фамилии Эйш. – Лимас закурил сигарету. – Мелкая сошка. Мы снова встречаемся с ним завтра.

Шеф внимательнейшим образом выслушал историю Лимаса полностью, этап за этапом, с того дня как он избил бакалейщика, и до сегодняшнего знакомства с Эйшем.

– Как вам тюрьма? – спросил Шеф, причем таким тоном, словно интересовался, хорошо ли Лимас отдохнул в отпуске. – Виноват, но мы никак не могли улучшить условия вашего содержания там, сделать жизнь чуть комфортнее. Это выглядело бы слишком подозрительно.

– Разумеется, я все понимаю.

– Мы должны быть последовательны. Всегда и во всем последовательны. Нам нельзя нарушать естественного хода событий. Как я понял, вы еще и тяжело болели. Сочувствую. Что с вами случилось?

– Обычная простуда.

– Как долго вы провалялись в постели?

– Дней десять.

– Какая неприятность! И что же, за вами некому было даже присмотреть?

Воцарилось продолжительное молчание.

– Вы же знаете, что она член компартии, верно? – спокойно спросил Шеф.

– Да, – подтвердил Лимас.

Они снова немного помолчали.

– Я не хочу ее ни во что впутывать.

– А с какой стати нам ее во что-то впутывать? – спросил Шеф теперь уже достаточно резко, и всего на мгновение Лимасу показалось, что ему в кои-то веки удалось пробить стену академичной невозмутимости начальника. – Кто-нибудь предлагал ее участие?

– Нет, – ответил Лимас. – Я лишь хотел особо подчеркнуть это. Мне ли не знать, как иной раз бывает? Любая активная операция может принять совершенно непредсказуемое направление, и в нее втягиваются посторонние. Ты думаешь, что поймал нужную рыбу, но в твоих сетях запутывается и другая. Я хочу, чтобы она полностью оставалась в стороне.

– О, здесь я с вами полностью согласен.

– Что за человека я встретил на бирже труда? Фамилия Питт. Он случайно не работал в Цирке во время войны?

– Я не знаю никого с такой фамилией. Как вы сказали? Питт?

– Да.

– Никогда не слышал. Говорите, он с биржи труда?

– О, ради бога! – пробормотал Лимас, но так, чтобы его было отчетливо слышно.

– Прошу прощения, – сказал Шеф, внезапно поднимаясь, – но я, кажется, совершенно пренебрегаю обязанностями заместителя хозяина дома. Не угодно ли что-нибудь выпить?

– Нет. Я хотел бы уехать на эту ночь, Шеф. Отправиться за город и немного заняться спортом. Дом функционирует?

– Я уже заказал машину, – сказал он. – В каком часу у вас завтра встреча с Эйшем? В час?

– Да.

– Тогда я позвоню Холдейну и скажу, что вы хотите немного поиграть в сквош. А еще советовал бы показаться доктору. Меня беспокоит та ваша простуда.

– Мне не нужен врач.

– Как будет угодно. – Шеф налил себе виски и стал от нечего делать рассматривать книги Смайли на полках.

– Почему здесь нет Смайли? – спросил Лимас.

– Ему не по душе эта операция, – ответил Шеф совершенно равнодушным тоном. – Она, видите ли, противоречит его принципам. Он понимает ее важность, но не желает участвовать. Это тоже своего рода болезнь, – добавил он со странной улыбкой, – у которой постоянно случаются рецидивы.

– Не могу сказать, чтобы он встретил меня с распростертыми объятиями.

– Все верно. Он не хочет ни во что вмешиваться. Но ведь он рассказал вам о Мундте все, что знал? Дал вам о нем подробную информацию?

– Да.

– Мундт – очень опасный противник, – заметил Шеф. – Нам ни в коем случае не следует забывать об этом. И он первоклассный разведчик.

– Смайли известно, с какой целью проводится операция? Он понимает причину нашего особого интереса к Мундту?

Шеф кивнул и отпил глоток виски.

– Но она все равно ему не нравится?

– Только не думайте, что дело в каких-то моральных принципах. Он сейчас подобен хирургу, уставшему от вида крови. И потому предпочитает предоставить действовать другим.

– Скажите, – продолжал задавать вопросы Лимас, – почему вы так уверены, что эта нить приведет нас куда нужно? Откуда вы знаете, что мной занялись восточные немцы, а не, допустим, чехи или русские?

– Можете не сомневаться, – ответил Шеф, чересчур сильно надув щеки, – что об этом мы позаботились.

Когда они подошли к двери, Шеф мягко положил руку на плечо Лимаса.

– Это станет вашим последним заданием, – сказал он. – Потом можете навсегда возвращаться с холода. Кстати, о той девушке... Не хотите, чтобы мы ей помогли? Деньгами или чем-то еще?

– Когда все закончится, я сам о ней позабочусь.

– Хорошо. Вы правы. Было бы небезопасно предпринимать что-нибудь сейчас.

– Я лишь прошу оставить ее в покое, – повторил Лимас с особым нажимом. – Не хочу, чтобы к ней кто-то приближался, заводил на нее досье и прочее. Просто забудьте о ней.

Он кивнул Шефу на прощание и вышел в ночь. На холод.

7. Кивер

На следующий день Лимас на двадцать минут опоздал к обеду с Эйшем, и от него сильно разило виски. Но это нисколько не повлияло на настроение Эйша, который при виде Лимаса расплылся в радостной улыбке. Сообщив, что и сам слегка припозднился, задержавшись в банке, он протянул Лимасу конверт:

– Бумажками по одному фунту. Надеюсь, это не проблема?

– Спасибо, – ответил Лимас, – и давайте выпьем.

Он не побрился, и на нем была рубашка с грязным воротничком. Подозвав официанта, заказал себе двойную порцию виски и коктейль «розовый джин» для Эйша. Напитки скоро принесли, и у Лимаса заметно дрожала рука, когда он наливал в свой стакан содовую, чуть не расплескав ее по столу.

Они плотно пообедали, сопроводив еду обильными возлияниями, причем разговаривал за столом главным образом Эйш. Как Лимас и ожидал, сначала он сосредоточился на себе самом. Трюк старый, но проверенный.

– Сказать тебе правду, я поймал удачу за хвост совсем недавно, – сказал он. – В статусе свободного журналиста пишу очерки об Англии для зарубежной прессы. После Берлина, признаться, я поначалу наделал глупостей. Би-би-си не продлила контракт, и пришлось взяться редактировать захудалый еженедельник о хобби для престарелых. Можешь себе представить что-то более ужасное? И потому, когда издание накрылось после первой же забастовки типографских рабочих, я испытал только облегчение. На какое-то время пришлось уехать жить к маме в Челтнем. У нее там антикварный магазин, и дела идут отлично, дай ей бог здоровья. А потом я получил письмо от своего старого приятеля Сэма Кивера, который писал, что открывает небольшое частное агентство, которое будет готовить разного рода материалы о жизни в Англии, но специально рассчитанные на иностранного читателя. Ну, ты понимаешь, о чем речь. Скажем, делаю статью на шестьсот слов о танце Моррис¹³. Но Сэм нашел правильный подход к делу. Он продает только уже переведенные статьи. И знаешь, в этом его огромное преимущество перед конкурентами. Кажется, что стоит покупателю самому нанять переводчика? Но когда перед редактором лежит материал на полколлонки для зарубежных новостей, ему далеко не всегда охота тратить время и деньги на перевод. И еще Сэм наладил прямой выход на главных редакторов зарубежных изданий. Для этого мотался по всей Европе, как тот цыган, но зато теперь пожинает плоды своих усилий по полной программе.

¹³ Старинный английский народный танец, изначально исполнялся с мечами. Построен на ритмических шагах и сопровождается специфической музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.